

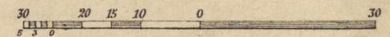
55K
92(P4)
3685

Карта Казанской губ. будетъ приложена къ
27-му полутому.

Нѣкоторые читатели затрудняются тѣмъ, что
въ Словарѣ употребляются мѣры русскія а
также метрическія, французскія, которыя те-
перь приняты въ большей части европейскихъ
государствъ. Для перевода русскихъ мѣръ въ
метрическія и обратно — метрическихъ въ рус-
скія къ «Энциклопедическому Словарю» прило-
жены таблицы въ V-мъ томѣ, послѣ страницы
468, въ прибавленіи.

КАРТА КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Масштабъ 30 верстъ.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

ТОМЪ XIII.

Историческіе журналы—Калайдовичъ.

ИЗДАТЕЛИ: { Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ).
И. А. Ефронъ (С.-Петербургъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія И. А. Ефрона, Прачешный пер., № 6.

1894.

„ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ“

начатый проф. И. Е. Андреевскимъ,

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

К. К. Арсеньева

и заслуженнаго профессора

О. О. Петрушевскаго.

При участіи редакторовъ отдѣловъ:

Проф. А. Н. Бекетова . .	отдѣлъ біологическихъ наукъ.
С. А. Венгерова	„ исторіи литературы.
Проф. А. И. Воейкова . .	„ географіи.
Проф. Н. И. Карѣва . . .	„ исторіи.
Проф. Д. И. Менделѣва .	„ химико-технической и фабрично- заводской.
Проф. В. Т. Собичевскаго.	„ сельскохозяйственный и лѣсо- водства.
Владимира Соловьева . .	„ философіи.
Проф. Н. О. Соловьева . .	„ музыки.

Списокъ гг. сотрудниковъ „ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ“

и ихъ инициаловъ.

Аленицынъ, В. Д., магистръ . . .	В. А., а.	Граве, Д., пр.-доп.	Д. Гр
Аничковъ, Е.		Гротъ, К. Я., проф.	
Анучинъ, Д. Н., проф.	Д. А.	Гротъ, Н. Я., проф.	
Антоновъ, А. А.	А.	Грузенбергъ, О. О.	О. Г.
Арабажинъ, К. И.	К. А—из.	Грумъ-Гржимайло, Г. Е. . . .	Гр.-Гр.
Арсеньевъ, К. К.		Гулишамбаровъ, С. О.	
Архангельскій, А. С., проф. . .		Де-Роберти, Е. В.	
Астафьевъ, А. С.		Дерюжинскій, В. О., проф. . .	
Багалъй, Д. И., проф.	Д. Б—й.	Джаншиевъ, Г. А.	Г. Д.
Барсовъ, Н. И., проф.	Н. Б—вз.	Дризенъ, Н. В., бар.	Б. Н. В. Д.
Батюшковъ, О. Д., прив.-доп. .		Дьяконовъ, М., проф.	М. Д.
Безобразовъ, С. В.	С. Б.	Егоровъ, Н. Г., проф.	Н. Е.
Бекетовъ, А. Н., проф.	А. Б.	Ждановъ, А. М., проф.	А. Ж.
Бесгужевъ-Рюминъ, К. Н., акад.		Жуковичъ, П. И., прив.-доп. .	
Бобылевъ, Д. Т., проф.	Д. Б.	Земятченскій, П. А., пр.-доп. .	П. З.
Боргманъ, И. И., проф.		Зѣлинскій, О. О., проф.	
Бородинъ, Н. А.	Н. Б—нз.	Ивановскій, А. О.	А. О. И.
Боцяновскій, В. О.	В. Б.	Игнатьевъ, В.	
Брандтъ, Б. Ф.	Б. Б—тз.	Износковъ, И. А.	И. И.
Браудо, А. И.	А. Б—о.	Израильсонъ, Я. И., маг. . . .	Я. И.
Браунъ, О. А., прив.-доп. . . .		Иностранцевъ, А. А., проф. . .	
Брунъ, М. И.	М. Б.	Каменскій, Ю. Г.	
Буличъ, С. К., прив.-доп. . . .	С. Б—чз.	Канонниковъ, И. И., проф. . .	
Бѣловъ, А. И.		Каншинъ, Д. В.	Д. К.
Бѣловъ, Е.		Карышевъ, Н. А., проф.	
Бѣлявскій, П. Е., к.-адм. . . .		Карѣевъ, Н. И., проф.	Н. К.
Василенко, В. И.	В. В.	Кауфманъ, И. И., проф.	
Василенко, Н. Пр.	Н. В.	Кивлицкій, Е. А.	Е. К.
Васильевъ, А. К.		Кирпичниковъ, А. И., проф. . .	
Ватсонъ, М. В.	М. В.	Клюсъ, Г. А.	Г. К.
Вейнбергъ, Л. В.	Л. В.	Книповичъ, Н. М., магистръ . .	Н. Кн.
Вейнбергъ, П. И., прив.-доп. .		Кокоткинъ, О. О.	
Величко, К. И., проф.	К. В—о.	Колотовъ, С. С.	
Венгерова, З. А.	З. В.	Колубовскій, Я. Н.	
Венгеровъ, С. А.	С. В.	Кони, А. О.	
Вербловскій, Г. Л.		Конваловъ, Д., проф.	
Вернеръ, К.	К. В.	Кононовъ, А. А.	
Веселовскій, Александръ, акад.		Копосовъ, П. В.	
Веселовскій, Алексѣй Н., проф.		Корелинъ, М. С., проф.	М. К.
Веселовскій, Н. И., проф. . . .	Н. В.	Коршъ, Д. В.	
Винклеръ, Ф. П. П.	П. Ф. В.	Котляревскій, Н. А.	
Виноградовъ, П. Г., проф. . . .		Коцынъ, М. В., докторъ	
Витковский, В. В.	В. В. В.	Круглый, А. О.	А. К—ий.
Владимировъ, П. В., проф. . . .		Крупскій, А. К., проф.	
Водовозовъ, В. В.		Крыловъ, Викторъ Ал.	
Водовозовъ, Н. В.		Крымскій, А. Е.	А. Е. К.
Воейковъ, А. И., проф.	А. В.	Кудрявцевъ, Н. В.	Н. К.
Волтеръ, Э. А., прив.-доп. . . .	Э. В.	Кузьминъ-Караваевъ, В. Д., пр.	К.-К.
Врангель, бар. К. К., магистръ .	К. Вр.	Куриловъ, В.	
Вуколовъ, С. П.		Ламанскій, С. И.	
Ганзенъ, П. Г.	П. Г—з.	Ланговой, Н. П., проф.	
Гарднеръ, Е. И.	Е. Г.	Латкинъ, Н. В.	Н. Л.
Гаркави, А. Я.		Латышевъ, С. М.	С. Л.
Гаршинъ, Е. М.		Левинсонъ-Лессингъ, Ф. Ю., пр.	Ф. Л.
Герценштейнъ, Г. М., пр.-доп. .	Г. М. Г.	Лермантовъ, В. В., лаборантъ .	В. Л.
Гершунъ, А. Л.	А. Г.	Лесевичъ, В. В.	
Герье, В. И., проф.	В. Г.	Лидовъ, А. П., проф.	А. П. Л.
Глинка, О. С.	О. Г.	Липовскій, А. Л.	А. Л—ий.
Головкинскій, Н. А., проф. . . .	Н. Г.	Ловягинъ, А. М.	А. М. Л.
Голубевъ, В. О.		Лопухинъ, А. П., проф.	А. Л.
Горбовъ, А. И.		Лось, И. Л., прив.-доп.	И. Л.
Горчаковъ, М. И., проф.		Луцицкій, И. В., проф.	

Любовичъ, Н., проф.	Н. Л—ъ.	Случевскій, Вл. К.	В. С—ий.
Ляшенко, А. І.	А. Л—ко.	Собичевскій, В. Т., проф.	В. С.
Мазаевъ, М. Н.	М. М.	Соболевъ, М. Н.	
Макаровъ, С. О.		Совѣтовъ, А. В., проф.	
Марголинъ, М. М.		Соколовъ, А.	А. С.
Марръ, Н. Я., прив.-доц.	Н. М.	Солнцевъ, В.	
Масальскій, кн. В. И.	В. М.	Соловьевъ, Владиміръ Серг.	Вл. С.
Матвѣевъ, П. А.		Соловьевъ, Н. О., проф.	Н. С.
Менделѣевъ, В. Д.	В. М.	Сомовъ, А. И.	А. С—въ.
Менделѣевъ, Д. И., проф.	Д.	Сомовъ, А. А.	А. А. С.
Миклашевскій, А. Н.	А. Н. М.	Спасовичъ, В. Д.	
Миллеръ, В. О., проф.	Вс. М.	Срезневскій, Всев. И.	
Мянскій, Н. М.		Степаневъ, С. Л.	С. С.
Михайловъ, С.	С. М—въ.	Сторожевъ, В. Н.	В. Ст.
Мищенко, О. Г., проф.		Стороженко Н. И. проф.	
Модестовъ, В. И., проф.		Струве, П. Б.	П. С.
Мурашкинцевъ, А. А.	А. М.	Судейкинъ, В. Т., прив.-доц.	В. С—въ.
Муромцевъ, С. А.	С. М.	Сумцовъ, Н. О., проф.	Н. С—въ.
Мякотинъ, В. А.	В. М—ъ.	Суровъ, А. А.	
Надсонъ, Г. А.	Г. Н.	Таненбаумъ, А. С., инж. п. с.	А. Т.
Неустроевъ, А.	А. Н—въ.	Тархановъ, И. Р., проф.	И. Т.
Нечаевъ, В. М., проф.	В. Н.	Титовъ, А. А.	А. Т—ъ.
Никольскій, А. М.	А. Н.	Тищенко, В. Е.	
Оксь, Б. А., докторъ	Б. А. О.	Тривусъ, М. Л.	
Ону, А. М.	А. О.	Троицкій, В.	
Ореусъ, И. И., генер.-лейт.	И. О.	Трубецкой, кн. С. Г., прив.-доц.	
Павловъ-Сильванскій, Н. П.	Н. П.—С.	Тураевъ, Б.	Б. Т.
Пель, А. В., проф.		Тутковский, П. Т.	П. Т.
Перетцъ, В. Н.	В. П.	Тутуринъ, Н. Н.	
Петрушевскій, Д. М.		Уманскій, А. М.	Ум.
Петрушевскій, О. О., проф.	О. П.	Успенскій, О. И., проф.	
Петцъ, Г. Г.	Г. П.	Фаворскій, А. Е., прив.-доц.	
Пискорскій, В.	В. П—ий.	Фаусекъ, В. А., магистръ	В. Ф.
Позднѣевъ, А. М., проф.		Фидлеръ, Ф. Ф.	Ф. Ф.
Позднѣевъ, Д. М.	Д. П.	Флавицкій, Ф. М., проф.	
Покровский, А. И., прив.-доц.	А. П.	Флоренсовъ, В. Я., проф.	
Половинкинъ, Ир. Н.	Ир. П.	Фойницкій, И. Я., проф.	
Полъновъ, Б. К.	Б. П.	Форстенъ, Г. В., проф.	Г. Ф.
Потанинъ, Г. Н.	Г. П.	Фортуновъ, Ал. О.	А. Ф—въ.
Преображенскій, О.		Фрикъ, Э. Ф.	Э. Ф.
Прессъ, А. А.		Хвольсонъ, Д. А., проф.	
Пыпинъ, А. Н.		Ходскій, Л. В., проф.	
Пятуховъ, М.	М. П.	Челпановъ, Е.	
Радловъ, Э. Л.	Э. Р.	Чельцовъ, И. М., пр.	
Редзко, В.		Чернышевъ, О. Н.	
Рейнгольдъ А. А.		Чешихинъ, Всев.	Вс. Ч.
Рейтлингеръ Н. А.	—рз.	Чупровъ, А. И., проф.	
Рихтеръ, Д. И.	Д. Р.	Шевыревъ, И. Я.	
Розенбахъ, П. Я., прив.-доц.		Ширяевъ, С. О.	С. Ш.
Ростовцевъ, М.	М. Р—въ.	Шпиндлеръ, Г. Б.	Г. Ш.
Ростовцевъ, С. И., проф.	С. Р.	Шмурло, Е. Ф., проф.	Е. Ш.
Рубакинъ, Н. А.		Шокальскій, Ю. М.	Ю. Ш.
Рубцовъ, П. П.		Шперкъ, Ф. Ф., д-ръ	Ф. Ш.
Рудаковъ, В. Е.	В. Р—ъ.	Шубинскій, С. Н.	С. Ш.
Рудзкій, А. Ф., проф.	А. Р.	Шуляченко, А. Р., проф.	
Рудневъ, В. М., проф.		Щепкинъ, Е., прив.-доц.	Е. Ш.
Руммель, В. В.	В. Р.	Щукаревъ, А., прив.-доц.	А. Ш.
Свѣшниковъ, М. И., прив.-доц.	М. С.	Экземпларскій, А. В.	А. Э.
Селивановъ, А. В.	А. В. С.	Эрисманъ, О. О., проф.	
Селивановъ, А. О.	А. О. С.	Южиковъ, С. Н.	
Сентъ-Илеръ, К. К.		Якимовичъ, А. А.	А. Як.
Сергѣевъ, Н. М.	Н. С—ъ.	Яковлевъ, В. А.	В. Я.
Скаловъ, В. И.		Янжулъ, Ек. Н.	
Скандеръ, А. И.		Янжулъ, И. И., проф.	
Слюзбергъ, Г. Б.	Г. С.	Яновскій, А. Е.	А. Я.
Слонимскій, Л. З.		Яроцкій, В. Г., проф.	В. Я.

Болѣе значительныя по объему оригиналы статьи 26-го полутома

„Энциклопедическаго Словаря“.

- Историческіе законы—проф. Н. И. Карѣевъ.
Историческія общества—А. Л. и В. Р.
Исторіографія—А. Л. и А. Л.—ій.
Исторія—проф. Н. И. Карѣевъ.
Исторія философіи—кн. С. Трубецкій.
Источники и ключи—проф. А. Иностранцевъ.
Источники права—проф. В. Нечаевъ.
Исчисленіе конечныхъ разностей—В. Витковский.
Италія (съ 1 географ. картой и 2 историч. картами; древняя исторія)—М. Ростовцевъ.
» (новое время)—В. Водовозовъ.
Итальянская литература—Е. Аничковъ.
Итальянская музыка—проф. Н. Соловьевъ.
Итальянская школа криминалистов—В. Случевскій.
Итальянскій языкъ—Е. Аничковъ.
Итацизмъ—проф. В. Модестовъ.
Іаковъ Черноризецъ—проф. А. Архангельскій.
Іезуиты—А. Я. и В. М.—нъ.
Іедлинекъ (юристъ)—О. Кокошкинъ.
Іерингъ (юристъ)—проф. В. Нечаевъ.
Іероглифы—Б. Тураевъ.
Іеронимъ блаженный—проф. Н. Б.
Іерусалимъ (съ картой)—Л. Вейнбергъ и А. Я.
Іоаннъ Креститель и Іоаннъ Богословъ—проф. А. Лопухинъ.
Іоаннъ Златоустъ—проф. Н. Барсовъ.
Іоанны (папы римскіе)—проф. М. К.
Іоаннъ III Московскій—В. М.—нъ.
Іоаннъ Грозный—акад. К. Бестужевъ-Рюминъ и В. Сторожевъ.
Іоаннъ Антоновичъ—В. М.—нъ.
Іодометрія (съ рис. въ текстѣ)—С. Вуколовъ. А.
Іодоформъ—В. Яковлевъ. А.
Іодъ—В. Куриловъ. А.
Іоняне—А. Щукаревъ.
Іосифъ II, имп. австр.—А. О.
Іабала и Іабальное холопство—проф. М. Д.
Іаббала—Вл. Соловьевъ.
Іабель (съ рис. въ текстѣ)—инжен. А. Т. и А. Г.
Іаблицъ—Л. Слонимскій.
Іаботажъ—А. Я.
Іабзъ—Н. Водовозовъ.
Іавелинъ (Конст. Дм.)—проф. М. Дьяконовъ и проф. В. Нечаевъ.
Іавказскіе языки—проф. Вс. Миллеръ.
Іавказскій край (съ картой) и Іавказскій хребтъ—кн. В. Масальскій.
Іавказскія войны—И. О.
Іавуръ—проф. В. Д.
Іадансъ—проф. Н. Соловьевъ.
Іазаки—А. Суровъ.
Іазанская губ. и г. Казань—Л. Вейнбергъ.
Іазанское царство—проф. Н. Василенко.
Іазарменное расположеніе войскъ и Казармы—проф. К. К., В. Игнатьевъ и К. В.—о.
Іазуистика—проф. В. Нечаевъ. и А. Я.
Іакао М.—Копинъ.
Іактусовыя (съ табл.)—проф. С. Ростовцевъ.

Историческіе журналы, издающіеся за границею — служат для обзора текущей литературы и изданія матеріаловъ и изслѣдованій изъ разныхъ областей исторіи. Во Франціи старѣйшій изъ нихъ: «Revue des questions historiques», основанный въ 1865 г., выходитъ 4 раза въ годъ: органъ клерикальный, въ которомъ, благодаря сотрудничеству о. Мартынова, слѣдятъ и за русской исторіографіею: «Revue historique» съ 1875 г. выходитъ разъ въ 2 мѣсяца, книжками въ 15—16 листовъ, разнороднаго серьезно-научнаго содержанія. «Revue critique d'histoire et de littérature» еженедѣльно даетъ рецензіи, хроникѣ и краткіе отчеты о засѣданіяхъ академіи. Много важныхъ И. статей и въ «Revue Asiatique», «Bibliothèque de l'École des chartes», «Revue d'histoire diplomatiques». Въ Германіи наиболѣе важны: «Historische Zeitschrift» Зибеля, съ 1859 г. выходящій 4 раза въ годъ, при чемъ каждый разъ дается обзоръ И. литературы; журналъ берлинскаго И. общества «Mitteilungen aus der historischen Literatur»; журналъ Квидде, издающійся съ 1 января 1889 г.—«Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», съ крупными статьями и изслѣдованіями по политической исторіи; органъ общества Герреса въ Мюнхенѣ, «Historisches Jahrbuch», съ нѣкоторыми католически-церковнымъ оттѣнкомъ. Въ Австріи съ 1879 г. издается весьма содержательный «Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung», центральный органъ всей австрійской исторіографіи. Въ Англіи общеисторическій журналъ: «The English Historical Review» издается съ 1885 г. кембриджскимъ профессоромъ Creighton'омъ; много рецензій на историческіе труды и въ «Athenaeum» и «Academy». Въ Италіи, кромѣ ряда мѣстныхъ «И. архивовъ», издаются «Rivista Storica Italiana» и «Archivio storico italiano». Въ Даниі въ 1840 г. Мольбекъ сталъ издавать «Historisk Tidsskrift», выходящій теперь по полугодіямъ, книжками въ 20 листовъ и болѣе; въ немъ есть матеріалъ и по русской исторіи. Выходящій по третямъ «Norsk Historisk Tidsskrift» въ Норвегіи — характера спеціально мѣстнаго. Въ Швеціи съ 1874 г. выходилъ «Historisk Bibliotek», а съ 1881 г. его смѣнилъ «Historisk Tidsskrift», дающій изслѣдованія, матеріалы и критическія статьи; много свѣдѣній о Россіи, иногда и переводы съ русскаго. Польскій трехмѣсячный «Kwartalnik historyczny» существуетъ съ 1836 г.; въ немъ сотрудничаютъ лучшія силы Польши. См. «Иностранные И. журналы», статья Н. К. и Г. Ф. («Историческое Обзоріе», 1890, I, стр. 244—253). О русскихъ историческихъ журналахъ см. Россія—Исторія.

Историческіе законы или **законы исторіи**.—Мысль о томъ, что въ исторіи дѣйствуютъ нѣкоторые общіе законы, не нова, ибо уже Аристотель указывалъ на то, что перемѣны политическихъ формъ въ Греціи совершались въ извѣстномъ порядкѣ; но систематическія попытки открыть И. законы начались только въ XVIII в., при чемъ первымъ, кто поставилъ такую задачу, былъ Вико. До сихъ поръ еще у многихъ писателей И. зако-

ны понимаются не научно. Нѣкоторые думаютъ, что можно найти общій законъ хода всемірной исторіи, выраженный въ простой формулѣ; но оказывается, что И. законъ въ такомъ смыслѣ есть ни что иное, какъ наслѣдіе вѣры въ то, что можно, а priori, открыть общій планъ всемірно-историческаго процесса: въ этомъ отношеніи нѣтъ разницы между «метафизикомъ» Гегелемъ и «позитивистомъ» Контомъ. Ближе къ истинѣ та мысль, что историческіе законы управляютъ развитіемъ отдѣльныхъ народовъ. Вико именно старался открыть такую общую исторію, которая объясняла бы всѣ исторіи частныя—но дѣло въ томъ, что полного единообразія и даже параллелизма отдѣльныхъ исторій вовсе не представляютъ. Если, однако, исторія каждаго народа представляетъ болѣе чертъ различія, чѣмъ сходства съ исторіей другихъ народовъ, то въ развитіи отдѣльныхъ элементовъ духовной культуры или отдѣльныхъ сторонъ социальной организаціи (языка, религіи, государства, права и т. п.) у разныхъ народовъ наблюдается дѣйствительно большое единообразіе, которое все болѣе и болѣе и изслѣдуется современной наукой, пользующеюся въ данномъ случаѣ сравнительно-историческимъ методомъ (см.). Но законы развитія явленій, относящихся вообще къ духовной и общественной жизни человека, суть законы психологіи (хотя бы и коллективной) и социологіи, тогда какъ подъ И. законами обыкновенно понимаются законы, которые управляютъ не эволюціей культурныхъ и социальныхъ формъ, а самымъ ходомъ событій, въ которомъ дѣйствуетъ лишь общій законъ причинности. Если въ исторіи, какъ и во всемъ мірѣ явленій, и дѣйствуютъ законы, то это — законы психологіи и социологіи, притомъ двоякаго рода: одни—законы каузальные, т. е. тѣ, въ которыхъ выражается связь двухъ фактовъ, находящихся между собою къ отношеніи причины и слѣдствія; другіе законы — законы эволюціонные, относящіеся ко всѣмъ тѣмъ случаямъ, когда два явленія находятся между собою въ такомъ отношеніи, что одно изъ нихъ есть лишь дальнѣйшая ступень въ развитіи перваго. Каузальные законы дѣйствуютъ въ исторіи прагматической, содержаніе которой заключается въ событіяхъ, служащихъ причинами и слѣдствіями одни другимъ, тогда какъ законы эволюціонные дѣйствуютъ въ исторіи культурной, имѣющей дѣло именно съ формами матеріальнаго, духовнаго и общественнаго быта, закономерно развивающимися однѣ изъ другихъ. Историческимъ законамъ дается часто толкованіе, несогласное съ научнымъ словоупотребленіемъ, когда, напр., подъ И. закономъ разумѣютъ моральныя предписанія или политическіе уроки, или отдѣльныя эмпирическія обобщенія (въ родѣ нѣмецкаго Drang nach Osten или франко-русской дружбы, многими принимаемыхъ за законы исторіи). Наконецъ, нерѣдко И. законами какого-либо народа называются традиціонные устои его культурнаго и политическаго быта. Однимъ словомъ, подъ И. законами разумѣются понятія весьма несходныя и притомъ подъ очень различными углами зрѣнія, вслѣдствіе чего гораздо лучше избѣгать

употребления этого выражения, довольствуясь каузальными и эволюционными законами психологии и социологии, действующими как въ ходѣ историческихъ событий, такъ и въ развитіи культурно-соціальныхъ формъ, къ чему, собственно говоря, и сводится вся историческая жизнь. Крайняя путаница понятій, наблюдаемая въ употребленіи выраженія: И. законы, нерѣдко мѣшаетъ, кромѣ того, надлежащимъ образомъ возражать скептикамъ, отрицающимъ возможность подчиненія историческихъ фактовъ законамъ, ибо если только это отрицаніе не обусловливается признаніемъ свободы воли, то оно основывается именно на томъ, что отъ И. законовъ дѣйствительно часто требуютъ прямо невозможнаго, напр., подчиненія продолжительности историческихъ періодовъ между отдѣльными важными событиями правильнымъ математическимъ отношеніямъ. См. Н. Карѣевъ, «Основные вопросы философіи исторіи», и его же, «Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи», гдѣ указана и литература предмета. *Н. К.*

Историческіе народы—см. Исторія.

Историческій Вѣстникъ—историко-литературный журналъ, издается съ 1880 г. ежемесячно, подъ ред. С. Н. Шубинскаго; издатель—А. С. Суворинъ; Журналъ поставилъ себѣ цѣлю «знакомить читателей въ живой, общедоступной формѣ съ современнымъ состояніемъ исторической науки и литературы въ Россіи и Европѣ». Онъ отводитъ, поэтому, значительное мѣсто исторической беллетристикѣ, а въ серьезныхъ статьяхъ тоже стремится къ популярности изложенія и занимательности. Одинъ изъ наиболѣе обширныхъ отдѣловъ «И. В.» составляютъ воспоминанія: «Дневникъ В. И. Аскоченскаго», «Записки К. А. Полевого», «Изъ семейной хроники Л. Н. Павличева», «Воспоминанія А. Я. Головачевой» и мн. др. Въ отдѣлѣ исторіи литературы въ «И. В.» печатаются изслѣдованія М. И. Сухомлинова, А. И. Кирпичникова, В. Я. Стоюнина, А. И. Незеленова, А. П. Пятковского, А. Д. Галахова и мн. др. Не мало также изслѣдованій и статей было помѣщено по политической и церковной исторіи Россіи, въ обработкѣ И. Е. Забѣлина, Д. И. Иловайскаго, Д. А. Корсакова, И. И. Дубасова, С. Н. Шубинскаго и др. Въ отдѣлѣ беллетристики оригинальные были напечатаны произведенія гр. Е. А. Салиаса, Л. Л. Мордовцева, Г. П. Данилевскаго, Н. И. Костомарова, Н. С. Лѣскова, С. Н. Терпигорева, В. П. Буренина и мн. др. Въ приложеніи къ журналу печатаются иностранные романы. Другіе отдѣлы «И. Вѣстника»—библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ. При каждомъ почти № журнала прилагается портретъ и нѣсколько рисунковъ. Указатель личныхъ именъ помѣщается въ концѣ каждаго года; кромѣ того см. «Систематическій указатель содержанія И. В. за 1880—1889 г.» (СПб. 1891) и С. Трубочевъ, «Обзоръ содержанія «И. В.» за первое десятилѣтіе его существованія» (СПб. 1890).

Историческій институтъ (съ 1890 г. Königlich Preussisches Historisches

Institut)—учрежденіе, основанное въ 1888 г. прусск. министерствомъ народн. просвѣщенія для производства въ Италіи, и прежде всего въ ватиканскомъ архивѣ въ Римѣ, открытомъ для ученыхъ въ 1881 г., изысканій по исторіи Германіи. Институтъ подчиненъ комиссіи, избираемой берлинскою акд. наукъ; членами ея были первоначально Генр. Зибель, Ваттенбахъ и Вейцекеръ; по смерти послѣдняго (1889) членомъ комиссіи избранъ М. Ленцъ. Въ Римѣ во главѣ института стоитъ секретарь. Главною задачей королевско-прусскаго И. инст. является изданіе отчетовъ папскихъ нунціевъ въ Германіи эпохи реформации—предпріятіе, осуществляемое имъ въ сотрудничествѣ съ австрійскимъ И. институтомъ. Кромѣ того, съ осени 1892 г. И. институтъ приступилъ къ составленію «*Reportorium Germanicum*», т. е. росписи всѣмъ хранящимся въ римск. архивахъ памятникамъ по исторіи Германіи, особенно за смутную для папства эпоху 1378—1448 гг.

Историческій музей—см. Музеи историческіе.

Историческій процессъ—см. Философія исторіи.

Историческій, статистическій и географическій журналъ—см. Политическій журналъ, съ показаніемъ ученыхъ и другихъ вещей, издаваемый въ Гамбургѣ и т. д.

Историческія, Генеалогическія и Географическія Примѣчанія въ Вѣдомостяхъ, изд. въ СПб. при академіи наукъ съ 1729 по 1740 г.—см. Историческихъ, Генеалогическихъ и Географическихъ Примѣчаній въ Вѣдомостяхъ.

Историческія, Генеалогическія и Географическія Примѣчанія въ Вѣдомостяхъ—сборникъ нѣкоторыхъ статей по естествознанію, перепечатанныхъ изъ тѣхъ приложеній, которые выдавались съ 1728 по 1742 г., при «СПб. Акд. Вѣдом.» подъ заглавіемъ: «Примѣчанія» въ Вѣдомостяхъ, къ Вѣдомостямъ и на Вѣдомости. Сборникъ этотъ вышелъ въ Москвѣ въ 1765 г. и состоитъ изъ 25 статей. Издателемъ сборника, какъ предполагаютъ, былъ Г. Ф. Миллеръ. См. А. Н. Устряовъ, «Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ» (1874).

Историческія комиссіи—учрежденія для опубликованія И. документовъ и содѣйствія выдающимся трудамъ по исторіи. Одна изъ наиболѣе важныхъ учреждена королемъ Максимиліаномъ II баварскимъ въ 1868 г. въ Мюнхенѣ, по плану Леопольда Ранке, назначеннаго предсѣдателемъ. Изъ ея изданій особенно важны: 1) лѣтописи (*Jahrbücher*) Германской имперіи; 2) хроники нѣмецкихъ городовъ; 3) нѣмецкіе имперскіе акты (1376—1431), изданные И. Вейцекеромъ; 4) рецессы Ганзы; 5) исторія наукъ въ Германіи; 6) всеобщая нѣмецкая біографія (100 выпусковъ); 7) журналъ «*Forschungen zur deutschen Geschichte*» (1861—85). См. о мюнхенской И. комиссіи Sybel и Giesbrecht, «*Die Hist. Commiss. bei der Königl. bayerischen Akd. der Wissenschaften*» (Мюнхенъ, 1883). Для опубликованія И. матеріаловъ вообще въ Германіи сдѣлано очень много; кромѣ мюнхенской И. комиссіи, нап-

болѣ важныя учрежденія для этого въ настоящее время — центральная коммиссія для изданія «*Monumenta Germaniae*», управленіе королевскаго берлинскаго архива («*Publicationen aus den Königlich preussis. Staatsarchiven*»), а также И. коммиссія прирейнская, баденская, саксонская. Въ Англіи для той же цѣли существуютъ Record Commission («*Calendars of State papers*»), Rolls commission («*Rerum britannicarum medii aevi scriptores*»), Camden Society; но здѣсь грядущихъ важныхъ матеріаловъ остаются еще неупубликованными. Во Франціи правительство издаетъ «*Collection des documents inédits sur l'histoire de France*» и «*Recueil des instructions données aux ambassadeurs de France*»; многое также здѣсь сдѣлано, благодаря бенедиктинцамъ, акд. надписей и обществу для исторіи Франціи (Société de l'histoire de France). Въ Бельгіи выходитъ «*Collection de chroniques belges inédites*». Въ Италіи въ 1883 г. основалъ «*Instituto storico*», для изданія источниковъ.

Историческія общества—ученыя ассоціаціи, цѣлю которыхъ служатъ изслѣдованіе исторіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, единеніе между лицами, ею занимающимися. Въ нынѣшнемъ своемъ видѣ И. общества стали основываться лишь въ прошломъ столѣтіи и особенно въ нынѣшнемъ, по мѣрѣ того какъ исторія переставала быть удѣломъ замкнутыхъ кастъ ученыхъ и дѣлалась достояніемъ всего образованнаго общества. Между И. обществами можно различать: 1) общества мѣстнаго характера, для изученія исторіи одной какой-либо мѣстности, провинціи (губерніи) или округа, собранія памятниковъ старины, какъ специально археологическихъ, такъ и литературныхъ, документовъ, лѣтописей, дневниковъ, переписки и т. п., имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, и, наконецъ, для литературной обработки накопившагося матеріала; 2) общества, отдающія предпочтеніе какой-либо одной исторической дисциплинѣ: церковной исторіи, нумизматикѣ, палеографіи, исторіи литературы, исторіи искусствъ и т. п.; 3) общества, имѣющія характеръ болѣе широкій, слѣдующія вообще за теченіемъ исторіографіи, и являющіяся если не руководителями въ разработкѣ историческаго матеріала въ данной странѣ, то болѣе или менѣе точными показателями степени разработанности въ данное время историческихъ знаній. Помимо собранія матеріаловъ,—при чемъ иногда могутъ основываться цѣлые мѣстные музеи,—и опубликованія ихъ въ сыромъ или обработанномъ видѣ, И. общества обыкновенно издаютъ свои спеціальныя органы, въ которыхъ печатаютъ отчеты о своей дѣятельности, и устраиваютъ публичныя чтенія. Въ Австро-Венгріи И. общества возникли, болѣею частью, изъ частныхъ союзовъ, имѣвшихъ въ виду созданіе провинціальныхъ музеевъ. Провинціальныя общества въ Штиріи, Каринтіи и Крайнѣ до 1849 г. составили союзъ «Средней Австріи», подъ управленіемъ центрального комитета и предсѣдательствомъ эрцгерцога Іоанна. Такого же рода общества подъ различными наименованіями создались въ Зареевѣ (1850,

1851), Брегенцѣ (1856), Брюннѣ (1816, 1819), Грацѣ (1810, 1844), Германштадтѣ (1840), Инсбрукѣ (1823), Клаузенбургѣ (1859), Линцѣ (1833), Прагѣ (1816, 1846; нѣмецкія общества), Зальцбургѣ (1860), Вѣнѣ (1832, 1864, 1870). Общіе обзоры успѣховъ исторіографіи въ Австро-Венгріи даютъ издаваемые съ 1879 г. въ Вѣнѣ «*Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung*», гдѣ печатаются отчеты и объ исторической наукѣ у славянъ. У венгровъ И. общества не имѣютъ большого развитія; у австрійскихъ поляковъ есть въ Краковѣ И. общество, издающее превосходный «*Kwartalnik historyczny*». Въ Германіи число И. общ. чрезвычайно велико; почти нѣтъ города, въ которомъ не было бы И. общества или общества собирателей какихъ-либо древностей (Historischer или Geschichts-verein, Altertumsverein). Послѣ частыхъ попытокъ добиться болѣеаго единенія между отдѣльными обществами, наконецъ, на собраніяхъ нѣмецкихъ историковъ и археологовъ въ Дрезденѣ и Майнцѣ, въ 1852 и 1853 гг., основанъ былъ «общій союзъ (Gesamtverein) нѣмецкихъ И. и археологическихъ обществъ», подъ гегемоніею берлинскаго И. общества и съ объединительными органами: «*Korrespondenzblatt*». Въ 1873 г. число И. обществъ въ Германіи равнялось 111; здѣсь были, кромѣ спеціально И.—историко-статистическія, историко-богословскія, историко-филологическія, нумизматически-сфрагистическія, геральдико-генеалогическія, археологическія, общества исторіи искусствъ и т. д.; подробное перечисленіе ихъ у Stöhr, «*Deutsches Vereinshandbuch*» (Франкф. на Майнѣ, 1873) и Joh. Müller, «*Die wissenschaftlichen Vereine und Gesellschaften Deutschlands: Bibliographie ihrer Veröffentlichungen*» (Берл., 1885 и сл.). Отчеты о дѣятельности общества за каждый годъ помѣщаются въ «*Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*». Особенно замѣчательны: въ Берлинѣ Historische Gesellschaft (1872), издающее «*Mitteilungen aus der historischen Literatur*», а съ 1880 г.—громадные общіе годовые отчеты объ исторической наукѣ; въ Галле—И. общества для исторіи реформации (1883) и Ганзы (1870); въ Кельнѣ—И. общество для Нижняго Рейна; во Франкфуртѣ на Майнѣ—Verein für Deutschlands ältere Geschichte (1819); въ Дандигѣ—Westpreussischer Geschichtsverein, со свѣдѣніями и по исторіи Польши, и Россіи (особ. органъ съ 1879 г.). Общая оцѣнка нѣмецкихъ И. обществъ у Bossert'a, «*Die historischen Vereine vor dem Tribunal der Wissenschaft*» (Гейльбр., 1883). Во Франціи И. общества сильно стали распространяться съ 30-хъ гг. нынѣшняго столѣтія (Sociétés historiques, archéologiques, scientifiques); ихъ очень много въ провинц. городахъ. Историко-археологич. коммиссіи (Commissions archéologiques et historiques) находятся въ Анжерѣ, Арлѣ (1832), Буржѣ (1860), Дижонѣ (1831), Нарбоннѣ (1833) и Безульѣ (1854). Къ нимъ примыкаютъ «*Sociétés historiques*» (или d'histoire) въ Алжирѣ, Лионѣ, Парижѣ (Société d'histoire de France, 1833; Société d'histoire du protestantisme français и Institut historique, 1833). Суме-

ствуют также Sociétés des antiquaires, Commissions des antiquités, Commissions de monuments et documents historiques и др. Въ Парижѣ, кромѣ названныхъ, есть еще этнографическое общество, французское общество ориенталистовъ и Comité des travaux historiques et des sociétés savantes. Въ *Бельгии* старшія И. и археологическія общества находятся въ Антверпенѣ (1842), Гентѣ (1855), Лютихѣ (1850), Монсѣ, Намюрѣ и Турнѣ. Въ *Голландіи* есть историческія общества въ Амстердамѣ, Лейварденѣ, Маастрихтѣ, Овер-эйсселѣ и Утрехтѣ. Въ *Испаніи* и *Португаліи* главные И. общества — официальные Real Academia de la historia въ Мадридѣ и академія въ Сантаремѣ. Въ *Италіи* И. изслѣдованія также въ большинствѣ случаевъ остаются въ рукахъ академій и официальныхъ комиссій; напр., въ Болоньѣ, Моденѣ, Пармѣ и Генуѣ; выдается Istituto di corrispondenza archeologica (въ Римѣ, съ 1829 г.). Въ *Великобританіи* И. обществъ очень много; большинство ихъ преимущественно занимается какой-либо отдѣльной дисциплиною. Въ Лондонѣ замѣчательны: Society of antiquaries (1751 г.), Archaeological Institute of Great Britain and Ireland (1843), British archaeological Association (1843), Ethnological Society (1856), Aroundel Society и Camden Society (1836), Numismatic Society (1856), съ превосходнымъ журналомъ «Numismatical Chronicle»; въ Эдинбургѣ Scotland society of antiquaries (1780); въ Дублинѣ — Irish archaeological Society (1840). Изъ провинціальныхъ обществъ главные: въ Оксфордѣ (1828), Кембриджѣ (1840 и 46), Шрюсбери (1835 и 46), Манчестерѣ (1843). Въ *Скандинавскихъ государствахъ*: Société royale des antiquaires du Nord (1825) и Kongelige Danske Selskab for Fædrelandets Historie og Sprog (1745) въ Копенгагенѣ, Société royale pour la publication des manuscrits relatifs à l'histoire de la Scandinavie — въ Стокгольмѣ (1815), Société pour la conservation des antiquités de la Norvège (1844) и Norske Oldskrift Selskab — въ Христианіи. Въ 1881 г. въ Швеціи возникло новое И. общество, издающее «Historisk Tidskrift». Въ *Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки* въ каждомъ штатѣ имѣется И. общество; большинство ихъ возникло съ 1820 по 1850 гг.; всѣ они почти называются Historical Society, съ прибавленіемъ географическаго опредѣленія поля дѣйствій. Болѣе общія задачи преслѣдуютъ: Historic-genealogical Society (въ Бостонѣ, 1845), American antiquarian Society (въ Ворчестерѣ, 1812) и American ethnological Society (въ Нью-Йоркѣ, 1842). Затѣмъ существуютъ еще историческія общества для *Нижней Канады* — въ Монреалѣ (англійское, 1857), *аргентинское* (англійск.) — въ Буэносъ Айресѣ (1856), *бразильское* — въ Рио-де-Жанейро (1838; Institut historique, géographique et ethnographique du Brésil), Historical association of Egypt (1842) — въ Александріи, Egypt Society (1836) — въ Каирѣ, Archaeological Society — въ Дели, много сдѣлавшія для исторіи отдѣленія азіатскаго Asiatic Society въ Бомбей (1833), Калькуттѣ (1784), Коломбо (1844), Мадрасѣ (1833), Asiatic Society of

China въ Гонконгѣ (1847) и Шанхаѣ. Въ *Юкогамѣ*, въ *Японіи*, существуетъ нѣмецкое научное общество, также занимающееся исторіею.

Историческія общества въ Россіи. — Древнѣйшее русское И. общество, основанное въ 1805 г., — Императорское *московское общество исторіи и древностей русскіихъ* (его исторію до 1890 г. и дѣятельность въ археологическомъ отношеніи — см. т. II, стр. 230). Дѣятельность общества на пользу русской исторіи открылась появленіемъ въ 1815 г. I ч. «Русскія достопамятности» (II ч. — 1843, III ч. — 1844). Въ этомъ сборникѣ помѣщено нѣсколько весьма важныхъ памятниковъ, историческихъ и литературныхъ, преимущественно древнихъ: Русская правда и Уставъ о мостахъ Ярослава; Уставъ новг. кн. Святослава Ольговича 1137 г.; динскія уставныя грамоты; договоръ Мстислава съ Ригю; Слово о Полку Игоревѣ и др. Съ 1815 г. стали выходить «Записки и труды», посвященные преимущественно изслѣдованіямъ по древней географіи и исторіи Россіи, а также описанію монетъ и древностей — Калайдовича, митр. Евгенія, Арцыбашева, Снегирева, А. Писарева, Кешенева. Всего по 1837 г. вышло 8 ч. Съ 1838 по 1844 г. обществомъ издано (трудами М. П. Погодина) 7 частей «Русскаго И. Сборника», въ которомъ помѣщались географическія изслѣдованія и описанія городовъ Хомяковского; описанія древнихъ могилъ и кургановъ; мѣстныя дѣла XVI и XVII вв., и др. Кромѣ того до 1846 г. обществомъ были напечатаны отдѣльными изданіями: «Предварительныя критическія изслѣдованія» Эверса, въ перев. Погодина (1829); «Обзоръ Кормчей книги» Розенкампфа (1834); «Корсунскія врата» Адельунга (1834); «Супрасльская рукопись» (1836); «Псковск. лѣтописъ», изд. Погодинымъ (1837); «Повѣств. о Россіи» Арцыбашева (1833—43); «Книга посольская» (1843); «Галицкая Русь» Зубрицкаго, перев. Бодянского (1845); «Книга Большаго Чертежа», Спасскаго (1846); «О русск. войскѣ» Влѣяева (1846); изсл. и лекціи Погодина (I—II т., 1846). Гораздо шире становится историч. дѣятельность общества со времени редактированія его трудовъ О. М. Бодянскимъ. Въ 1846—48 г. онъ издалъ 23 книжки «Чтеній въ обществѣ Ист. и Др. Росс. при моск. ун.», въ которыхъ были помѣщены: «Исторія Руссовъ» мнимаго Конисскаго, лѣтописи малороссійскія и извѣстія о казакахъ малороссійскихъ и донскихъ (Симоновскаго, Ригельмана, Миллера и др.), V т. исторіи Татищева, Шуйскіе акты, фамиліные акты Голохвастовыхъ и др., акты московскаго собора объ еретикахъ и церковно-истор. матеріалы XV—XVI вв.; переписка за время сѣверной войны, малороссійскія дѣла XVII—XVIII вв. и извѣстія о Россіи иностранцевъ, впервые появляющіяся въ нашей историч. литературѣ. Появленіе въ «Чтеніяхъ» (1848) соч. Флетчера: «О Московскомъ государствѣ въ XVI в.» было роковымъ для общества и редактора. Бодянской должнѣ былъ поконить московскій унів., «Чтенія» прекратились и замѣнены «Временникомъ», изд. подъ ред. проф. Влѣяева. Новый органъ, котораго до 1857 г. вышло 25 т., носилъ историко-юридическій характеръ и касался глав-

нымъ образомъ эпохи Московскаго государства. Изъ болѣе цѣнныхъ матеріаловъ въ него вошли: Домострой, лѣтописи, разрядныя и писцовыя книги, staatные списки, торговыя и таможенныя книги, мѣстныя дѣла, родословныя книги, разныя грамоты, описи городовъ и т. д. Лучшій періодъ для общества наступилъ въ царствованіе Александра II. Бодянский вновь сталъ секретаремъ общества и редакторомъ возобновленныхъ имъ «Чтеній», которыя, по прежней программѣ, стали выходить по четыре книги въ годъ. Бодянский редактировалъ ихъ до самой смерти (1877). Продолжая помѣщать извѣстія иностранцевъ, онъ ввелъ изученіе славянства, западнаго и южнаго, и помѣстилъ множество матеріаловъ по новой исторіи Россіи, до того времени мало доступной для нашей печати и науки. Такъ появились матеріалы: о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ, Артеміи Волынскомъ, Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, Биронѣ, Брауншвейгской фамиліи, Арсеніи Маѣвѣичѣ, Новиковѣ, Радищевѣ и др.; дѣла по исторіи раскола и ересей; о комиссіи уложенія и объ академіи наукъ; о московскомъ и казанскомъ унив.; о паденіи Польши; по крестьянскому вопросу; рядъ записокъ дѣателей XVIII в.; обширный архивъ гр. А. П. Румянцева; соч. Щербатова и мн. др. Изслѣдованія болѣею частью посвящались древнему періоду русской исторіи. Съ 1877 г. по 1888 г. «Чтенія» редактировалъ А. Н. Поповъ, помѣстившій наибольшее число матеріаловъ по церковно-полемической литературѣ XII—XVIII вв. и изслѣдованій въ области древне-русской литературы. Съ 1889 г. по 1894 г. редактируетъ «Чтенія» Е. В. Барсовъ, который въ бытность свою въ Олонецкомъ краѣ собралъ богатѣйшій запасъ рукописей, принадлежащихъ тамошнимъ монастырямъ, и ими главнымъ образомъ наполнялъ отдѣлъ матеріаловъ. При немъ «Чтенія» открыли доступъ историческимъ диссертаціямъ. Всего по 1894 г. вышло «Чтеній»—169 книгъ. Имена авторовъ, наиболѣе обогатившихъ своими трудами «Чтенія»: Е. В. Барсовъ, О. М. Бодянский, И. Д. Вильевъ, арх. Григорій, И. Е. Забѣлинъ, Зерцаловъ, П. И. Ивановъ, арх. Леонидъ, М. П. Погодинъ, А. Н. Поповъ, Н. А. Поповъ, В. М. Ундольскій, братья Холмогоровы, Д. В. Цвѣтаевъ, А. А. Чумковъ, А. Н. Шемякинъ и Щербачевъ.

Съ самаго основанія по 1893 г. обществомъ издано до 149 отдѣльныхъ изданій, громадное большинство которыхъ—отгиски матеріаловъ и изслѣдованій, помѣщенныхъ въ «Чтенія». При обществѣ—библіотека и архивъ, съ богатымъ собраніемъ рукописей, изъ которыхъ въ И. отношеніи наиболѣе замѣчательны слѣдующія: И. достопримѣчательности г. Архангельска, астраханскіе воеводскіе наказы 1646—48 гг., преніе о вѣрѣ королевича Вольдемара, писцовыя выписи XVII в., вѣнчаніе вел. князей и царей на царство, грамоты и столбцы 1592—1748 г., Гуго-Гроцій: «О мирѣ и войнѣ» (пер. 1748 г.), отдѣльныя житія и сборники русскихъ святыхъ, «Иркутскія И. достопримѣчательности» А. Лосева (съ XVII до нач. XIX в.), исторія Димитрія царевича 1730 г., исторія

А. Палицына, сказанія А. М. Курбскаго, родословныя и разрядныя книги, Уложеніе царя Алексѣя Михайловича съ дополненіями, бумаги Ив. С. Аксакова (1890 г.) и мн. др. Въ 1893 г. обществу данъ новый уставъ, дѣлающій его исключительно И. обществомъ и формулирующимъ его главную задачу такъ: «собираніе матеріаловъ для отечественной исторіи и разработка оной по всѣмъ вопросамъ и предметамъ въ область ея входящимъ».

Вторымъ по времени основанія было Императорское одесское общество исторіи и древностей русскіихъ (исторію и археолог. дѣятельность до 1890 г.—см. т. II, стр. 231). Въ § 2 устава задача общества опредѣлена такъ: а) заниматься отыскиваніемъ, разборомъ и объясненіемъ документовъ и актовъ, до исторіи Новороссійскаго края относящихся; б) подвергать критическимъ изслѣдованіямъ показанія древнихъ писателей о его мѣстностяхъ и достопримѣчательностяхъ и отыскивать слѣды ихъ въ настоящемъ времени; в) приготовить запасы для будущей исторіи края собираніемъ вѣрныхъ свѣдѣній о настоящемъ его состояніи въ отношеніи къ географіи и статистикѣ, и г) разбирать выходящіе на русское и иностранныхъ языкахъ сочиненія, имѣющія тотъ-же предметъ, и опредѣлять степень ихъ достовѣрности. Самые лучшие результаты, судя по рефератамъ, читаемымъ на засѣданіяхъ общества, и по содержанію «Записокъ» его, за все 54-хъ лѣтнее существованіе общества дали работы по первымъ двумъ пунктамъ. Труды Мурзакевича, Маркевича, Андріевскаго, Соколова, Скалковскаго, Бруна, Спасскаго, Лашкова и др. собраны богатые матеріалы по исторіи края, особенно Запорож्या и Крыма, и составлены историческія описанія многихъ городовъ и областей. Въ области древней И. географіи болѣе другихъ работали Надеждинъ, Бларамбергъ, Бертье-Делагардъ, Врунь, Бурачковъ. До 1893 г. органъ общества, «Записки», выходилъ въ неопредѣленные сроки; съ этого-же года общество, достигнувъ увеличенія ежегоднаго казеннаго пособія, рѣшило издавать ихъ, начиная съ XV т. (1893), книжками, ежегодно около 20 листовъ. Въ XV томѣ имѣется новый отдѣлъ—исторія славянъ. Съ самаго основанія общества, дѣятельность его въ области археологій нисколько не ослабляется, не смотря на то, что раскопками въ Крыму, напр., уже давно завѣдуетъ спб. археологическая комиссія. Отдѣльныя изданія общества: Mursakewicz, «Descriptio musei publicani Odessani» (1840); Григорьевъ, «Описаніе кувчихескихъ монетъ X в.» (СПб., 1841); кн. Мышецкій, «Исторія о казакахъ Запорожскихъ» (1851); Мурзакевичъ, «Очеркъ научныхъ заслугъ М. С. Воронцова» (1861); von Blau, «Die orientalischen Münzen des Museum der Kaiserl. histor.-arch. Gesellschaft zu Odessa» (1876); Бертье-Делагардъ, «Катал. картамъ, планамъ, чертежамъ и видамъ, хранящимся въ Музеѣ О. О. И. и Д.» (1888); Юргевичъ, «И. очеркъ 50-ти лѣтня Имп. О. О. И. Д.» (1889); Яковлевъ, «Указатель Ѳеодосійскаго музея древностей» (1890) и «50-ти лѣтіе ученой дѣятельности В. Н. Юргевича» (1892). Къ январю 1893 г. въ обществѣ было 16 почетныхъ членовъ, 122 дѣйстви-

тельных и 40 членовъ - корреспондентовъ и сотрудниковъ. Расходъ въ 1892 г.—2752 р. Библиотека общества въ 1892 г. имѣла болѣе 4500 томовъ книгъ и брошюръ и 500 разныхъ рукописей.

Императорское русское И. общество въ СПб. основано въ 1866 г. и съ этого же года состояло подъ председательствомъ Наслѣдника Цесаревича, нынѣ царствующаго Императора. По 1 § устава, общество «имѣетъ цѣлю собирать, обрабатывать и распространять въ Россіи матеріалы и документы, до отечественной исторіи относящіеся, какъ хранящіеся въ правительственныхъ и частныхъ архивахъ и библиотекахъ, такъ равно и находящіеся у частныхъ людей». Черезъ нѣсколько лѣтъ общество расширило свою задачу, озаботившись извлеченіемъ матеріаловъ о Россіи, хранящихся въ иностранныхъ архивахъ, и при содѣйствіи министра иностранныхъ дѣлъ и русскихъ миссій въ Лондонѣ, Берлинѣ, Дрезденѣ, Парижѣ и Вѣнѣ успѣло собрать обширный запасъ матеріаловъ, состоящій изъ донесеній иностранныхъ пословъ, бывшихъ въ Россіи въ XVII—XVIII вв. Съ 1867 г. общество издаетъ свой «Сборникъ»; въ 1893 г. изданъ 88-ой томъ. Содержаніе его—почти исключительно матеріалы. Наибольшее число послѣднихъ относится къ XVIII в., и именно къ царствованію Екатерины II: 1) И. свѣдѣнія и матеріалы о Екатерининской комиссіи для составленія проекта новаго уложенія (т. IV, VIII и XIV—ред. Полѣнова и XXXII, XXXVI, XLIII и LXVIII—ред. В. И. Сергѣевича); 2) бумаги Екатерины II, хранящіеся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ (т. XXVII и XLII); 3) финансовые документы царствованія Екатерины II (т. XXVIII и XLV); 4) письма Мельхіора Гримма и Екатерины II (т. XXXIII и XLIV); 5) дипломатическая переписка Екатерины II (т. XLVIII, LI, LVII и LXXXVII); 6) переписка Екатерины II съ Фридрихомъ II (т. XX) и 7) «донесенія и дипломатическая переписка» иностранныхъ пословъ при русск. дворѣ; особенно обширна переписка англ. пословъ (т. XXXIX, I, LXI, LXVI, LXXVI, LXXX и LXXXV). Изъ другихъ матеріаловъ XVIII в. наибольшую важность имѣютъ «Протоколы, журналы и указы Верховнаго тайнаго совѣта» (т. LI, LV, LXIII, LXIX, LXXIX и LXXXIV) и томы XI и XXIV, отн. ко времени Петра I. Затѣмъ имѣется довольно много документовъ, посвященныхъ эпохѣ Александра I: 1) переписка Ришелье съ имп. Александромъ I (т. LIX), 2) дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей въ эпоху Наполеона (т. LXX, LXXVII, LXXXII, LXXXVIII), и эпохѣ Николая I: 1) журналы и дѣла Высочайше учрежденнаго 6 декабря 1826 г. особаго секретнаго комитета (т. LXXIV) и 2) политическая переписка Николая I съ ген. Саваря (т. LXXXIII). Къ XV и XVII вв. относятся т. XXXV, XXXVII, XXXVIII, XL, LIII, LIX, LXXI и LXXII (Памятники дипломатическихъ сношеній Россіи съ Польшей, съ Тевтонскимъ орденомъ, Англіей и др.). Изъ бумагъ частныхъ лицъ изданы: 1) бумаги Булгакова (т. XLVII), 2) акты изъ архива Ренина (т. XLV), 3) бумаги А. А. Закревскаго (т. LXXIII и LXXVIII),

4) бумаги изъ архивовъ Панина, Орловыхъ, Шереметевыхъ и Будберга (частями, въ разныхъ томахъ). Каждый томъ снабженъ азбучнымъ указателемъ, но только однихъ собственныхъ именъ. Изъ всѣхъ 88 т. «Сборника» монографическими трудами являются только слѣдующіе: IV и VIII (Полѣновъ), XIII (Гротъ, «Сотрудничество Екатерины II въ «Собесѣдникѣ» Дашковой»), XXVI и XXIX (Григоровичъ, «Канцлеръ кн. А. А. Безбородко»). Матеріалы, изд. обществомъ, особенно важны въ виду того, что они изданы по подлиннымъ документамъ и полными серіями, посвященными данному вопросу. Въ изданіи и редакціи ихъ участвовали: кн. П. А. Вяземскій, К. К. Злобинъ, А. Х. Бекъ, Д. В. Полѣновъ, П. П. Пекарскій, А. Ф. Бычковъ, А. Н. Поповъ, А. М. Куломзинъ, Н. И. Костомаровъ, Г. Ф. Штендманъ, В. И. Сергѣевичъ, Я. К. Гротъ, А. А. Половцевъ, К. Н. Вестужевъ-Рюминъ, А. С. Трачевскій и др. Въ послѣднее время общество предприняло составленіе полнаго біографическаго словаря русскихъ И. дѣятелей. Пока только трудами П. Н. Петрова изданы два тома азбучнаго указателя именъ, долженствующихъ быть помѣщенными въ словарь (тт. LX и LXII, въ 1887 и 1888 г.). Краткіе отчеты общества, касающіеся почти исключительно издательской его дѣятельности, печатаются въ «Правительственномъ Вѣстн.».

Кіевское И. общество лѣтописца Нестора при унив. св. Владимира открыто 14 января 1873 г., хотя хлопоты объ открытіи подобнаго И. общества со стороны митроп. Иннокентія, кн. Давыдова, Максимовича и др. начались еще въ 1841 г. Въ теченіе 1½ г. со дня утвержденія общества существовало вѣтъ университета, собираясь на засѣданія въ зданіи 1-й кіевской гимназіи, и примкнуло къ университету только тогда, когда оказалось невозможнымъ открыть второе И. общество, изъ университетскихъ профессоровъ и преподавателей. Задача общества—содѣйствовать развитію русской И. науки: исторіи политической и церковной, исторіи литературы и права, археологіи, нумизматики и др.; въ кругъ занятій общества входитъ также разработка исторіи и литературы всеобщей, «на сколько это находится въ связи съ умственной жизнью русскаго народа». Въ засѣданіяхъ общества читаются рефераты, отчеты и т. п., печатавшіеся, въ первое время, въ кіевскихъ повременныхъ изданіяхъ. Болѣе всего посвящено сообщеній Малороссіи и Югу Россіи, въ историческомъ и археологич. отношеніяхъ. Общество устроило 3-й археологическій съѣздъ и издало его «Труды» (1878). Оно издаетъ «Чтенія въ И. обществѣ лѣтописца Нестора», первая книга которыхъ вышла въ 1879 г., подъ редакціей проф. Иконникова. Въ 1893 г. вышла 7-я книга «Чтеній». Первый отдѣлъ ихъ состоитъ изъ протоколовъ засѣданій и изъ сообщеній, второй отдѣлъ—изслѣдованія. Съ 4-й книги появился новый отдѣлъ—матеріалы, съ 7-й—библіографія. Особенную важность представляютъ изслѣдованія: Иконникова—«Князь Скопинъ-Шуйскій» (кн. I) и «Дмитрій Самозванецъ и Сигизмундъ III» (кн. IV); Дашкевича—«Былины объ Алешѣ Поповичѣ» (кн. III); Владимірскаго-Буданова,

«Помѣстное право въ древн. эпоху литовско-русскаго государства» (кн. III) и «Черты семейнаго права западной Россіи въ половинѣ XVI в.» (кн. IV) и др. Изъ материаловъ особенно цѣнны — «Акта по исторіи землевладѣнія въ Малороссіи» (кн. IV) и «Наука о противной уніи, св. Кирилла» (кн. V). Второй отдѣлъ II книги, посвященный Владиміру св., былъ изданъ отдѣльно, подъ заглавіемъ: «Сборникъ въ память 900-лѣтія крещенія Руси» (1888). Въ его составъ вошли статьи Соболевскаго, Бережкова и Фортинскаго. Въ настоящее время предсѣдатель общества — Владимірскій-Будановъ, секретарь — Дашкевичъ. При обществѣ имѣется бібліотека, число томовъ (вмѣстѣ съ брош.) которой въ 1892 г. доходило до 1500. Объ этомъ обществѣ см. статью А. Неестрова въ «Историческомъ Обзорѣнн», изд. подъ ред. Н. И. Карѣева (1891, т. II).

Петровское общество изслѣдователей Астраханскаго края открыто 4 октября 1874 г. «въ память пребыванія въ Астрахани въ 1722 г. Петра I и въ ознаменованіе 200-лѣтія со дня его рожденія». § 3 устава общества такъ опредѣляетъ задачу общества: «собирать свѣдѣнія, относящіяся къ дѣлу всесторонняго изученія края и распространять ихъ въ видѣ сырыхъ материаловъ или въ обработанномъ видѣ». До октября 1886 г. общество оставалось почти въ бездѣйствіи. Въ 1887 г. начаты работы по разработкѣ и описи мѣстныхъ архивовъ, по устройству публичнаго музея (открытъ въ декабрѣ 1890 г.), по изданію «Сборника» (1-й вышелъ въ 1892 г.). Для удобства работъ въ 1887 г. члены общества были раздѣлены на двѣ секціи: *историко-этнографическую* и *естественно-историческую*. Въ 1888 г. обществу данъ новый уставъ. Кромѣ «Сборника», имъ изданы «Программа для собиранія археологическихъ, нумизматическихъ, историческихъ и этнографическихъ свѣдѣній по Астраханскому краю» и нѣкоторые рефераты. Въ 1890 г. общ. принимало участіе въ казанской научно-промышленной выставкѣ экспонированіемъ гербаріумовъ астраханской флоры, коллекцій насекомыхъ, минераловъ и др. естественныхъ богатствъ и доставленіемъ описаній и альбомовъ, характеризовавшихъ край въ историческомъ, археологическомъ и др. отношеніяхъ. Въ 1892 г. оно образовало «комиссію для разсмотрѣнія вопросовъ по организаціи общественныхъ работъ въ Астраханскомъ краѣ». Труды членовъ историко-этнографической секціи были посвящены изученію и описанію края въ археологическомъ, историческомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Изъ нихъ выдѣляются работы Малиновскаго (напримѣръ, «О поѣздѣ въ село Селитренное», «Воеводскій наказъ 1679 г.», «Астраханскій Кремль» и др.), Житенкаго («Астраханскіе калмыки») и Новолѣтова («Объ административныхъ границахъ Астраханскаго края и о начинальникахъ, управляющихъ имъ со времени присоединенія къ Россіи до 1870-хъ гг.»). Библіотека общества къ 1 янв. 1893 г. заключала 1478 названій, въ 2459 лѣт. (преимущественно изъ пожертвованій). Музей состоялъ изъ трехъ отдѣловъ: естественно-историческаго, историко-

этнографическаго и научно-промышленнаго. Открытъ для посѣтителей.

Историко-филологическое общество при харьковскомъ унив. открыто 28 февр. 1876 г. По 1 § устава общество занимается разработкой вопросовъ, входящихъ въ область историко-филологическихъ наукъ, преимущественно же изслѣдованіемъ мѣстной старины. На засѣданіяхъ (ок. 6 ежегодно) обыкновенно реферировали Потебня, Кирпичниковъ и Дриновъ (по вопросамъ русск. яз. и словесности), Лебедевъ (по церковной исторіи), Ефименко, Сумцовъ и Вагалѣй (преимущественно по мѣстной исторіи). Обществомъ изд. три тома «Сборника». Первый томъ (1886) весь состоитъ изъ материаловъ для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства, собранныхъ и редактированныхъ Д. Вагалѣемъ. Второй т. (1890) составляють: 1) отчетъ о дѣятельности общества за 1889 г., 2) свѣдѣнія объ архивѣ ист.-филологическаго общества, 3) некрологъ Колмаковского, 4) продолженіе «Материаловъ», Вагалѣя, и 5) сказки, пословицы... запис. въ Екатеринославской и Харьковской губ. Третій томъ (1892): 1) Савва — «О времени и мѣстѣ крещенія вел. кн. Ольги», 2) Плохинскій — «Материалы для исторіи внутренней жизни лѣвобережной Украйны» и 3) Вагалѣй — «Критико-бібліографическій очеркъ литературы по исторіи свободской Украйны». Въ 1892 г. при обществѣ открытъ педагогическій отдѣлъ, подъ предсѣдательствомъ Сумцова. Общество имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи *историческій архивъ*, въ составъ котораго входятъ: 1) архивъ малороссійской коллегіи, 2) часть такъ назыв. чугуевской переписки, 3) дѣла архива губернскаго правленія, бывшей канцеляріи и упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ Харьковской губ. и 4) дѣла, пожертвованныя частными лицами. Особенную важность для исторіи свободской Украйны XVII — XVIII вв. имѣетъ первый. Самый богатый отдѣлъ его составляють дѣла судныя; затѣмъ идетъ административный отдѣлъ, дѣла денежные, военные, почтовые, о размежеваніи и уничтоженіи сотенныхъ правленій, копии жалованныхъ грамотъ, мѣстническія дѣла и пр. Большая часть дѣлъ архива касается казачества. Общее число документовъ и дѣлъ малороссійской коллегіи не менѣе 30000, документовъ архива харьковскаго губ. правленія свыше 18000. Со времени основанія общества его отчеты и рефераты печатались въ отчетахъ по университету, въ «Харьковскомъ календарѣ» (1884) и въ «Харьк. Губ. Вѣдом.».

Казанское общество археологии, исторіи и этнографіи. Дѣятельность общества имѣетъ предметомъ отечественную исторію (его исторію до 1890 г. и дѣятельность въ археолог. и этнографическихъ отношеніяхъ см. т. II, стр. 238—239). Органъ общества — «Извѣстія», которыхъ по марту 1893 г. вышло XI т. Болѣе выдающіяся статьи — Владимірова, «Объ историческомъ значеніи бібліотеки Соловецкаго м-ря, хранящ. при казанской духовной акад.» (т. II); Качановскаго, «Неизданныя грамоты изъ аеонскихъ архивовъ» (т. III); Ойрсова, «Вопросъ о бѣлтыхъ и разбойникахъ въ комиссіи 1767 г.» (т. IX); его же, «Го-

лодь предъ Смутнымъ временемъ въ Московскомъ государствѣ» (т. X); Газенвинкеля: «Разрядныя книги, какъ матеріалъ для исторіи Сибири въ XVII в.» (т. X). Изъ отдѣльных изданій общества къ историческимъ работамъ относятся: «Архивъ кн. В. И. Баюшева» (1882) и «Памяти гр. А. С. Уварова. Рѣчи» (1885). При обществѣ находится *архивъ* рукописей—грамотъ и актовъ, касающихся мѣстной исторіи. Важнѣйшіе изъ нихъ: отрывокъ старинной лѣтописи, свитокъ съ лѣтописными замѣтками, рукописный сборникъ статей духовнаго содержанія, акты и грамоты XVII в., сборникъ заговоровъ и заклинаній XVIII—XIX вв., записки старожиловъ и др. Съ 1893 г. «Извѣстія» издаются болѣе правильно, 6 разъ къ годъ, книжками въ 7—8 л.

И. общество при спб. университетѣ возникло въ 1889 г. Его цѣль: 1) изслѣдованіе научныхъ вопросовъ изъ всѣхъ областей русской и всеобщей исторіи, 2) разработка теоретическихъ вопросовъ И. науки и 3) обсужденіе вопросовъ, имѣющихъ соприкосновеніе съ преподаваніемъ исторіи въ учебныхъ заведеніяхъ. Общество можетъ устраивать засѣданія, открывать публичныя чтенія, устраивать съѣзды, издавать свои труды и предлагать, на преміи и награды, задачи. За первые 4 года общество имѣло 38 собраний, на которыхъ читались научныя сообщенія. Объ издаваемомъ имъ сборникѣ см. «Историческое Обзорніе». Въ 1891 г. общество образовало при себѣ *историко-педагогическую секцію*. Библіотека общества къ концу 1893 г. имѣла книгъ, брошюръ и отгисковъ 428 названій, въ 661 т., и 30 названій періодическихъ изданій.

И.-филологическое общество при новороссійскомъ ун-в. открыло свою дѣятельность въ 1889 г. Цѣль общества—способствовать учеными трудами, собраніями и изданіями развитію и распространенію И. и филологическихъ знаній. Сообщенія, сдѣланныя въ засѣданіяхъ общ., главнымъ образомъ касались классической филологіи, затѣмъ древне-русской словесности; по исторіи за 4 года было только 9 рефератовъ. Общество издаетъ «Лѣтописи И.-Фил. Общ. при Новоросс. ун-в.», которой по настоящее время вышло 3 тома. Въ тт. I и III первый отдѣлъ посвященъ лѣтописи дѣятельности общества, второй—памяти В. И. Григоровича. Второй томъ «Лѣтописи» составленъ изъ трудовъ членовъ византийскаго отдѣла общества, образовавшагося въ 1891 г. (статьи Успенскаго, Дестуниса, Бѣляева, Корда и Кирпичникова и въ приложеніи «Обзоръ новѣйшей литературы по византиновѣдѣнію»).

Подольскій епархіальный И.-статистическій комитетъ—открытъ въ Каменецъ-Подольскѣ въ 1865 г. архіеп. Леонтіемъ для историко-статистическаго описанія приходо- и м-рей подольской епархіи. До сихъ поръ издано 6 т. «Трудовъ Комитета». Первый вышелъ въ 1876—77 г. и содержитъ «И., географическій и этнографическій очеркъ Подолія», Симашкевича, и рядъ историко-статистическихъ описаній церквей и приходо-в. Во второмъ т. (1878—79) помѣщены статьи: Лобатынскаго—«Матеріалы для исторіи Уніи въ Подолія», Дороновича—«Армяне въ Подолія», а также два бібліограф.

указателя по исторіи Подолія. Съ 1887 по 1892 г. изданы четыре тома «Трудовъ», изъ которыхъ III, IV и V посвящены уніи, а VI-ой заключаетъ «Статистическія свѣдѣнія Подольской епархіи», обработанныя Греченко. Въ 1889 г. при комитетѣ открыто церковное древнехранилище, состоящее болѣею частью изъ книгъ и предметовъ церковно-И. значенія; въ 1892 г. ихъ было свыше 1600. См. «Историч. Обзорніе» за 1893 г. (замѣтки проф. Н. Н. Любавича).

Наконецъ, въ 1893 г. основалось И. общество при моск. ун-в.

Литература. «Очеркъ 8-лѣтней дѣятельности Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи» (Казань, 1886); Дашкевичъ, «И. общество лѣтописца Нестора», въ «Учрежд. ун-в. св. Владиміра» (Кіевъ, 1884); Несторовъ, «И. общ. лѣтописца Нестора» (въ «И. Обзорніи», т. II); «Харьковский календарь» за 1885—1893 г.; Брикнеръ, «Сборникъ Имп. Русск. И. Общества» (т. I—XXVI, въ «Сборникѣ государств. знаній», т. VIII); Вильбасовъ, «Les publications de la société Impériale historique russe de St. Petersburg» (Парижъ, 1888).

В. Рудаковъ.

Историческое Обзорніе—органъ И. общества при спб. ун-в., выходитъ въ видѣ сборника, въ неопредѣленные сроки, подъ ред. предсѣдателя общества, проф. Н. И. Карѣва. До августа 1894 г. вышло 7 т. Сборникъ распадается на два отдѣла: въ первомъ печатаются статьи и изслѣдованія по русской и всеобщей исторіи, исторіи права, философіи исторіи и т. п. Въ этотъ же отдѣлъ входитъ критика, бібліографія и научная хроника. Въ отдѣлѣ бібліографіи особенно выделяются обстоятельно составленные А. И. Браудо обзоры литературы русской исторіи (т. II и III, за 1888—90 г.). Въ первомъ отдѣлѣ появляются также статьи, посвященныя разработкѣ вопроса о преподаваніи исторіи въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Отдѣлъ второй заключаетъ въ себѣ протоколы и свѣдѣнія, касающіеся текущихъ дѣлъ И. общества.

Историографія—терминъ недостаточно опредѣленный, иногда отождествляемый съ исторіею (см.), понимается: 1) какъ изученіе исторической литературы какого-либо предмета (напр. И. французской революціи—тоже, что критическій обзоръ источниковъ и пособій по исторіи франц. революціи), 2) какъ синонимъ историч. литературы. Въ послѣднемъ значеніи обзоръ И. является какъ бы «исторіею исторіи», и въ этомъ смыслѣ терминъ И. получилъ право гражданства въ цѣломъ рядѣ специальныхъ трудовъ послѣднихъ десятилѣтій. Зачатки литерат. произведеній, входящихъ въ область И., мы находимъ за нѣсколько тысячелѣтій до Р. Хр. на древнемъ Востоку. Въ числѣ сохранившихся памятниковъ египетской литературы (XI, 533) такъ наз. царскія надписи и древніе папирусы даютъ то сухіе перечни фактовъ, то поэтическіе рассказы о дѣяніяхъ царей, со многими преувеличеніями и неточностями. Выше стоятъ лѣтописи ассирийскихъ и вавилонскихъ царей, начавшіяся съ біографическихъ записей государей Сиргулы и Аккада, на памятникахъ и строеніяхъ, относящихся еще къ IV тысяче-

лѣтію до Р. Хр.; ассиріяне отличались уже большимъ расположеніемъ къ исторіи и сознавали важность хронологіи. Существенно отличаются отъ сухихъ и слишкомъ официальныхъ записей египтянъ и ассиріянъ историческія книги евреевъ, насколько онѣ сохранились въ Библии; такъ наз. книги Царствъ и пр. представляютъ уже лѣтописи, близко подходящія къ типу западныхъ; характерно въ нихъ постоянное объясненіе человѣческихъ отношеній вмѣшательствомъ Бога (религіозный прагматизмъ). Арійскіе народы Востока въ И. оставили мало слѣдовъ: Индія не представляетъ чисто историческихъ сочиненій, и самая хронологія индусовъ—миѳологическаго характера; единственный историческій источникъ для древнѣйшей исторіи Индіи, какъ и для земновъ—священные книги. Персидскіе цари вели лѣтописи (кн. Есеяръ VI, 1, IX, 32, X, 2; Фукидидъ I, 129), не дошедшія до насъ; сохранились, какъ примѣры придворныхъ записей, лишь надписи (знам. Бегистанская) и отголоски преданій въ Шахъ-Наме. Больше историческаго чутья было у китайцевъ, ведшихъ съ древнѣйшей поры записи дѣлъ различныхъ династій и правителей, безъ всякаго вниманія къ прагматизму или связности содержанія (см. Китай). Европейская И. обязана своимъ происхожденіемъ грекамъ. Зачатки эллинской И. представляютъ, помимо записей легендарныхъ поэтическихъ преданій, списки олимпіониковъ съ 776 г., лѣтописи жрецовъ Сикіона и Аргоса, спартанскихъ царей и коринѳскихъ притановъ, записи важныхъ мѣстныхъ событій, договоровъ, союзовъ и т. д. На высшую ступень стала греческая И. у такъ наз. логографовъ, большинство которыхъ были іоняне. Логографы первоначально излагали въ поэтической прозѣ еѳогонію и космогонію, генеалогію героевъ и выдающихся лицъ, но потомъ стали рассказывать также эллинскія и иностранныя событія. Кадма Милетскаго считаютъ первымъ изъ логографовъ; много путешествовавшій, прекрасно знавшій современность, немного скептикъ и еѳемеистъ въ отношеніи къ мнѳамъ Гекатей (т. VIII Доп.)—самый значительный изъ нихъ, а Геланикъ (см. т. же) представляетъ уже переходъ къ чистой исторіи. Блестящую эпоху эллинской И. начинаеть Геродотъ (VIII, 544), «отецъ исторіи», стремящійся къ правдивости, но во многомъ еще дѣтски наивный историкъ Эллады и варваровъ. Онъ родоначальникъ и одинъ изъ наиболее яркихъ представителей античной, писанной для народа, а не для немногихъ избранниковъ художественной исторіи, съ ея прекраснымъ изложеніемъ, живописными картинами, драматическими эпизодами и вставленными въ рассказъ разговорами. Наивное мировоззрѣніе Геродота у позднѣйшихъ греческихъ историковъ осложнилось и смѣнилось политической тенденціозностью, но способъ изложенія остался тотъ же даже у Фукидида, глубокомысленнаго политика и одного изъ правдѣйшихъ историковъ. Его «Пелопоннесская война», по добросовѣстности въ собираніи матеріаловъ, вѣрности сужденій, высотѣ мысли и отчетливости характеристикъ до сихъ поръ остается образцовымъ произведеніемъ. Это первая прагматическая исторія, въ которой

психологическій анализъ является на смѣну рока (Немезиды) Геродота. Разносторонній Ксенофонтъ продолжалъ трудъ Фукидида, излагая свой матеріалъ легко и ясно, но не безъ пристрастія; онъ скорѣе спартаецъ, чѣмъ афинянинъ, болѣе дидактикъ, чѣмъ историкъ, менѣе политикъ, чѣмъ стратегъ. Изъ послѣдующихъ историковъ къ школѣ Геродота принадлежали Ктезій, Ефоръ (XI, 693) и отчасти Теопомпъ, къ школѣ Фукидида—сиракузининъ Филістъ. У этихъ историковъ сказывается уже вліяніе риторической школы, главнымъ образомъ Исократъ; они стараются произвести впечатлѣніе искусной группировкой событій и риторическимъ блескомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ ими покидалась національная почва и замѣнялась общеисторическою. Оживленіе внесла въ И. эпоха Александра и великихъ завоеваній на Востокъ—съ одной стороны расширеніемъ круга знаній, главнымъ образомъ географическихъ, съ другой—возбужденіемъ интереса къ мѣстнымъ древностямъ. Масса писателей стали разрабатывать преданія отдѣльныхъ народовъ и странъ, другіе принялись за историческую обработку переживаемыхъ ими, въ тѣсныхъ предѣлахъ ихъ родины, событій, третьи взялись за рассказы о подвигахъ эллиновъ на далекомъ Востокѣ; наконецъ были сдѣланы попытки обработать весь успѣвшій нагромоздиться историческій матеріалъ. Вліяніе риторики и декламации портитъ большинство этихъ трудовъ; особенно подвиги Александра представлялись въ слишкомъ романтическихъ чертахъ: въ исторіи современниковъ передавались прямыя несообразности и вымыслы, на ряду съ анекдотами и сплетнями. Изъ изслѣдователей мѣстной старины выдаются такъ назыв. атѳидографы, занимавшіеся хронологическими изысканіями (главные изъ нихъ—Клидемъ, Димонъ, Филохоръ и Истръ); по исторіи Александра и эллинистическихъ государствъ—Анаксименъ, Каллисѳенъ и Клитархъ, равно какъ и писатели-полководцы Птоломей Лаговъ и Неархъ. Изъ общихъ историковъ замѣчательны: Тимей, субъективный, иногда тенденціозный и мало критическій, но весьма ученый авторъ исторіи грековъ, главнымъ образомъ западныхъ, доведенной до 264 г., и Филархъ, съ массою отступленій изложившій исторію событій до смерти Клеомена въ 220 году. Въ первый разъ въ эту пору выступили на поприщѣ болѣе научной исторіи и «варвары»—знаменитые Верозъ вавилонскій и Маневонъ египетскій; оба они по храмовымъ записямъ изложили, на греческомъ языкѣ, исторію своихъ отечествъ. Ко времени паденія греческой самостоятельности относится Поливій, можетъ быть величайшій греческій историкъ, пишущій неязычнымъ языкомъ, лишенный художественнаго таланта, но правдивый, добросовѣстный, точный и опредѣленный, прагматикъ, всегда имѣющій въ виду причины и слѣдствія, съ большимъ критическимъ талантомъ и совершенно свободный отъ пустой риторики; онъ хорошо знакомъ съ литературою предмета, гдѣ возможно—почерпаетъ свои свѣдѣнія изъ документальныхъ источниковъ и въ обсужденіи фактовъ примѣняетъ накопившіяся у него за много лѣтъ

официальный характер, который он удерживал и впоследствии, в своих продолжениях. Другой приближенный Карла, Алкуин, писал биографии выдающихся церковных деятелей. В то же время Павел Диакон написал историю лангобардов, отчасти на основании саг и преданий, собранных им в течение его долгой жизни. Много также потрудились в это время по истории Ангилберт, Нитгард и др. Движение не ограничивалось кругом близких Карлу лиц, но распространялось по всей его империи; в Германии, например, в это время создавалась школа в Фульд, под руководством Рабана Мавра († 856), из кот. потом вышло несколько значительных историков, в том числе Рудольф Фульдский († 865). В то же время сказания начинают мало по малу исчезать из числа источников: историография начинает заниматься исключительно фактами, видными и пережитыми самим автором или почерпнутыми им из более достоверных источников, чѣм предание. Опредѣлившись в Каролингскую эпоху характер И. удержался в течение всѣхъ средних вѣковъ. Прежде всего велись короткія лѣтописи, развившіяся изъ помѣтокъ, дѣлавшихся въ монастыряхъ на поляхъ діонисіевскихъ цикловъ; эти лѣтописи обыкновенно велись разными лицами, безъ обозначенія автора, переходили изъ монастыря въ монастырь, часто дополнялись, исправлялись, переписывались, иногда кѣмъ-нибудь подвергались литерат. переработкѣ и тогда становились извѣстными подъ его именемъ. Больше системы было въ хроникахъ, сходныхъ съ византийскими, въ которыхъ критики мало, но иногда проявляется большая начитанность; при распредѣленіи матеріала составители придерживались шести aetates mundi, подобно Велѣ; съ Р. Хр. часто начинался новый отдѣлъ; изъ древности излагалась почти исключительно римская исторія. Только при изложеніи временъ, ближайшихъ къ автору, дѣлается замѣтнымъ, къ какой націи онъ принадлежитъ; таковы хроники Адона Вьеннского, Фрекульфа, епископа лизьескаго, аббата Региона († 915 г.) и др. Биографическая литература во времена Каролинговъ представляетъ два направленія: съ одной стороны она служитъ церкви и клиру, съ другой беретъ политич. темы и, не ограничиваясь простымъ сообщеніемъ поступковъ или событій, стремится дать и оцѣнку ихъ. Теганъ, напр., выказываетъ себя сторонникомъ преслѣдуемаго Людовика Благочестиваго, Нитгардъ пишетъ съ пристрастіемъ къ Карлу Лысому и т. д. Языкъ и изложеніе начинаютъ играть большую роль, дѣлаются даже изычными. Въ послѣдніе года IX и въ X вв., среди смутъ, на время расцвѣтъ наукъ, особенно въ Германиі, задерживается, но съ конца X-го ст. И., иногда понижаясь въ отдѣльныхъ странахъ, въ общемъ уже не падаетъ ниже уровня Каролингской эпохи. Наибольшее значеніе имѣетъ средневѣковая И. въ германскихъ странахъ, Франціи и Англіи; типомъ, здѣсь приобретаемымъ ею, опредѣляется и типъ ея въ другихъ странахъ — Италіи, Испаніи, Скандинавскихъ государствахъ и т. д. Новый подъемъ германской И. совпалъ съ правленіемъ Оттоновъ. Во-

зобновленіе блеска императорской власти, увеличеніе числа лицъ образованныхъ, сношенія съ Константинополемъ и Италією расширили міровоззрѣніе и повліяли на развитие И. Труды Лютпранда Кременскаго, итальянца по рожденію, но описывавшаго преимущественно нѣмецкія событія, одно изъ наиболее выдающихся произведеній этой эпохи; Лютпрандъ очень субъективенъ, любитъ необыкновенное, иногда забываетъ историческую истину, но зато онъ проявляетъ и образованіе, и начитанность, пишетъ по заранее опредѣленному плану, даетъ живыя характеристики и языкъ его отличается большою правильностью. Изъ одновременныхъ И. трудовъ выдаются: исторія саксовъ Видукинда (VI, 239), написанная съ мѣстнымъ патриотизмомъ, но очень наглядно, живо и тепло, классическимъ для того времени языкомъ; «Исторія Гандерсгеймскаго монастыря» и (прозаически правдивое) стихотвореніе объ Оттонѣ Великомъ монахини Гросвиты (IX, 769); биографія архіепископа Бруно кельнскаго — Руотгера. Титмаръ Мерзебургскій немного позже собралъ громадную массу разнороднѣйшихъ историческихъ извѣстій, главнымъ образомъ о правленіи Генриха II, подвергъ ихъ хронологической обработкѣ, но не въ состояніи былъ окончательно придать имъ органическій видъ. Все это были писатели, близко стоявшіе ко двору, чего нельзя сказать о послѣдующемъ періодѣ нѣмецкой И. Центромъ умственной дѣятельности нѣкоторое время была Лотарингія, гдѣ прежде всего начала разрабатываться мѣстная, провинціальная и городская, старина — въ Реймсѣ, Мецѣ, Верденѣ и др. городахъ; изъ представителей исторіографіи здѣсь заслуживаютъ упоминанія Рихеръ Реймскій, приближенный ученаго еписк. кельнскаго и герц. лотарингскаго Бруно, Ратерій, Вальдерихъ Камбрейскій, съ своими «Gesta Trevigorum». Многие изъ этихъ трудовъ написаны въ французскомъ духѣ; языкъ ихъ искусно выработанный, но недостаточно простой и ясный. Въ XI и XII вв. появляется большое количество биографій, исторій епископовъ и монастырей и обработанныхъ лѣтописей, къ которымъ начинаютъ присоединяться національныя хроники восточныхъ народовъ — поляковъ, чеховъ, вендовъ. Самый выдающійся биографъ — Випонъ (VI, 506), авторъ исторіи Конрада II, написанной наглядно, ясно и со знаніемъ дѣла. Изъ исторій епископовъ и церквей, кромѣ продолженія начатой Ратпертомъ хроники Санъ-Галленской монахомъ Эккегардомъ, особенно важенъ трудъ Адама Временскаго (I, 161), посвященный еписк. бременскимъ и гамбургскимъ, въ которомъ въ кругъ изслѣдованія введены и народы сѣвера; авторъ безпристрастенъ, добросовѣстенъ, тщательно осмѣловалъ матеріалъ и искусно распредѣлилъ его. Лѣтописи, литературно обработанныя, принадлежатъ ученому Герману Берингенскому, папистамъ Бертольдъ Констанцскому и Эккегарду Урахскому, лакейническому стороннику имперіи Зигберту изъ Лотарингіи. Особенно замѣчательнъ изъ лѣтописцевъ Ламбертъ Герсфельдскій, выдающійся какъ своимъ правильнымъ языкомъ и художественнымъ изложеніемъ, такъ и историческимъ смысломъ и безпристрастнымъ взгля-

домъ. Свободная обработка матеріала вообще въ это время выступаетъ на первый планъ; простыя хроники, монастырскія лѣтописи пишутся еще въ большомъ, все увеличивающемся количествѣ, но ими заняты больше лица неизвѣстныхъ, часто не сообщаящихъ и именъ своихъ; нѣкоторые изъ нихъ составлены очень хорошо, какъ напѣримѣръ исторія Вердена въ XII в., кельнскіе анналы и др. Памятникомъ разившейся до сравнительно высокой степени И. являются труды Оттона Фрейзингенскаго, не только критически обработавшаго источники своей хроники, но и постаравшагося ихъ объединить одною богословско-философскою мыслию, подобно Оросію; другой трудъ его, книга о дѣяніяхъ Фридриха I, облачаетъ въ авторѣ не только высокій литературный талантъ, но и тактъ государственнаго человѣка. Достойными продолжателями Оттона Фрейзингенскаго были Оттонъ, инокъ монастыря св. Власія, и Радевихъ, ученикъ его. Партія вельфовъ имѣла своихъ историковъ въ лицѣ пробста Герарда Штеттинскаго, Гельмольда (VIII, 290) и Арнольда Любекскаго, которые даютъ уже не простыя хроники, но цѣлую исторію своего времени, особенно важную для изученія западнаго славянства. Со второй половины XIII в. характеръ германской И. существенно измѣняется, появляются новыя направленія: въ И. проникаетъ сказочный, легендарный элементъ, имѣющій цѣлю возвеличеніе отдѣльных личностей прошлаго, появляются громадные историческіе сборники, часто анекдотическаго характера; историческіе труды начинаютъ писаться уже не по-латыни, а на отечественномъ языкѣ, и И. постепенно переходитъ отъ духовенства къ свѣтскимъ писателямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, И. становится богаче по объему и содержанію, разнообразнѣе по формѣ, но утрачиваетъ нѣкоторые внутренніе преимущества предыдущей эпохи—общность содержанія, широту взгляда, правдивость и безпристрастіе; писателями чаще являются люди темные и ничтожные, стоице вдали отъ событий, иногда невѣжественные и ограниченные. Провинціальныя, мѣстные интересы вездѣ начинаютъ господствовать надъ общими; въ теченіе всего этого періода трудно указать сколько-нибудь выдающагося надъ общимъ уровнемъ историка. Изъ анекдотическихъ компиляторовъ громадными размѣрами трудовъ своихъ прославились Альберикъ, Викентій изъ Бове (VI, 286) и Мартинъ Polonus. Изъ первыхъ написанныхъ на отечественномъ языкѣ хроникъ наиболее важна саксонская. XIII в., въ которой изложеніе болѣе ясное и грамотное, чѣмъ въ другихъ. Во Франціи средневѣковая И. развивалась существенно инымъ путемъ, чѣмъ въ Германіи: она шла отъ разьединенности къ объединенію. Въ XI в., когда вся страна распадалась на множество независимыхъ феодальныхъ территорій, французская И. представляла массу анналовъ, хроникъ и записокъ съ чисто мѣстнымъ отъѣнкомъ. Съ XII вѣка, когда Капетинги выдвинули идею государства и стали неутомимо работать надъ объединеніемъ Франціи, а крестовые походы еще болѣе способствовали сплоченію націй, характеръ И. сталъ измѣняться, и наряду съ памятниками мѣстными, област-

ными, стали появляться историческія произведенія болѣе общаго, государственнаго и національнаго характера. Вся исторія крестовыхъ походовъ, за немногими исключеніями, написана была французами; выдается здѣсь Вильгельмъ Тирскій (VI, 367), литературно образованный, прекрасно знакомый какъ съ Востокомъ, такъ и съ положеніемъ дѣлъ въ Іерусалимѣ. Находилъ себѣ историковъ и каждый изъ Капетинговъ; знаменитъ особенно аббатъ Сугерій, написавшій біографію Людовика VI. Национальная И. существуетъ во Франціи лишь съ XIII в. Она начинается разсказами, въ формѣ мемуаровъ, Жоффруа де-Вильгартуна (VI, 350), драматически живо повѣствовавшаго о взятіи Константинополя, и Жана де-Жуанвилля (XII, 41), составившаго жизнеописаніе Людовика св., въ которомъ одновременно проявляется и наивное благочестіе автора, и глубокое знаніе политики. Богатая содержаніемъ «Хроника Франціи, Англіи, Шотландіи, Италіи и Британіи» Жана Фруассара съ геродотовскою наивною и живописною наглядностью изображаетъ придворную, рыцарскую и лагерную жизнь, средневѣковые турниры и сраженія. Ниже Фруассара стоятъ его продолжатели, хроникеры XV ст. — Монстрелле, де-Кусси, Шателленъ. Авантюристъ и Жакъ дю-Клеркъ. Монстрелле также описываетъ войну и рыцарскіе подвиги, но не можетъ сравниться со своимъ предшественникомъ ни по живости разсказа, ни по яркости красокъ, хотя болѣе сочувствуетъ массѣ, чѣмъ Фруассаръ; де-Кусси и Шателленъ изображаютъ жизнь и подвиги бургундскаго рыцарства, съ цѣлю прославленія рыцарской романтики; дю-Клеркъ говорить болѣе о правахъ и обычаяхъ, законахъ и учрежденіяхъ и старается лишь о томъ, чтобы передать потомству правдивый разсказъ о дѣлахъ своего времени. Одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени, Филиппъ де-Коминъ (1446—1509), историкъ Людовика XI, является представителемъ перехода отъ хроникъ къ настоящей исторіи. Средневѣковая Англія представляетъ громадное богатство лѣтописей, хроникъ, жизнеописаній и записокъ, которыя почти всѣ написаны на латинскомъ языкѣ, такъ какъ здѣсь болѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, И. оставалась монополіею духовенства. Въ приписываемой Ингульфъ (XIII, 58) хроникѣ излагается правдивая исторія современной автору эпохи, при чемъ не падаетъ и духовенство. Вильгельмъ Сомерсетскій (Мальмсбери) написать полную риторизма, но съ привлеченіемъ всѣхъ доступныхъ источниковъ, исторію англійскихъ королей съ 449 г., составилъ записки о своемъ времени и нѣсколько книгъ церковной исторіи. Его трудъ продолжали Вильгельмъ Ньюберійскій и Генрихъ Гендингтонскій. Лучшій изъ англійскихъ писавшихъ по-латыни, историкъ — Матвій Парижскій, изъ Сентъ-Альбанса; онъ отличается хорошимъ изложеніемъ и точностью данныхъ. Многочисленны біографіи Оомы Бекета, болѣею частью враждебныя королю. Изъ хроникеровъ XII—XIII вв. важнѣйшіе—Бенедиктъ Петерборо, Рожеръ Говеденъ, Вильгельмъ Ковентри, Матвій Вест-

министерский. При Ланкастерской и Йоркской династиях появляется много исторических памятников и на языках национальном, как-то «Английская хроника» (1377—1461), «Варквортская хроника», обнимающая первые тринадцать лет правления Эдуарда IV и написанная ярлым сторонником Ланкастеров, «История возстановления Эдуарда IV», составленная приверженцем Йорков и др.

Эпоха возрождения была временем возрождения и И.; гуманисты положили первые основания научной историографии, внося в нее и новый метод исследования, и новую систему изложения. Петрарка, разбирая подлинное письмо Цезаря, впервые применил сравнительно развитые критические приемы. Особенно огромный шаг вперед сделал Бруни (IV, 752); его письма о началъ Мантуи и происхождении Цицерона—чрезвычайно разносторонний критический анализ источников; биографии Аристотеля и Цицерона написаны имъ главн. обр. на основании критических соображений, Флорентийская история его очищена отъ всѣхъ средневековыхъ и античныхъ басенъ. Такой-же шагъ впередъ представляетъ и историческое изложение Бруни, главнал-же его заслуга заключается въ томъ, что онъ своимъ «Комментаріемъ» создал историческіе мемуары, а Флорентійскою исторіею положилъ первое начало научной И., всѣ элементы которой мы уже находимъ въ этомъ сочиненіи: историческую критику, общіе взгляды, отбѣнку отдѣльных событій и широкая обобщенія, на основаніи политическаго опыта и историческихъ наблюденій. Подъ вліяніемъ гуманизма и развилась новая И., прежде всего въ Италіи, гдѣ еще въ концѣ среднихъ вѣковъ во Флоренціи появились писатели въ родѣ правдиваго, серьезнаго и глубокомысленнаго Дино Кампаньи и Джованни Виллани (VI, 335), пишущаго съ плавнымъ краснорѣчіемъ Ливія. Первое время гуманисты писали на латинскомъ яз., хотя уже не варварскомъ, средневековомъ, а близкомъ къ классическому; но уже въ XIV вѣкѣ лучшіе труды по И. были написаны на отечественномъ языкѣ авторовъ. Среди великихъ итальянскихъ историковъ XVI в. первое мѣсто принадлежитъ Никколо Макіавелли, который, въ своей образцовой прагматической Флорентійской исторіи, сумѣлъ въ исторіи одного города представить картину человѣческой судьбы и какъ-бы всю всемірную исторію. Послѣдователь его Гвиччардини (VIII, 204) изложилъ исторію своего времени въ превосходномъ, вполне законченномъ произведеніи искусства. Макіавелли былъ болѣе доктринеромъ, Гвиччардини стоитъ на почвѣ практической, позитивной политики; оба отличаются глубиною психологіи, тонкимъ умомъ, патриотизмомъ и большими познаніями въ древней литературѣ. Изъ историковъ, писавшихъ по-латыни, важнѣйшіе—Пій II (Эней Сильвій Пиколомини), кромѣ хорошаго стиля отличающійся еще прекраснымъ знакомствомъ съ современнымъ ему положеніемъ вещей и большими географическими познаніями, Пьеро Кандидо Де-чембріо (X, 512), Паоло Джовіо (X, 545), подражатель Ливія, и др. Распаловившіеся въ громадномъ числѣ историки-панегиристы изъ числа

жившихъ при дворѣ итальян. владѣтелей гуманистовъ составляютъ историческій балластъ этого времени, вмѣстѣ съ богатою, иногда болѣе полезною литературой памфлетовъ. Во Францію также проникло новое направленіе и, помимо богатой литературы мемуаровъ, никогда не прекращавшейся во Франціи, вызвало здѣсь такіа произведенія, какъ соч. еп. мецскаго Франсиска Бокера (Велькари) «*Regrum Galliarum commentarii*». Въ Испаніи эта эпоха вызвала труды іезуита Хуана Маріаны изъ Талаверы и Хуана Хинеса де-Сепульведы, историографа императора Карла V. Въ германскихъ странахъ въ XV в. труды по И. писались и по-латыни, и по-нѣмцки, но сколько-нибудь научно составлены лишь исторіи мѣстнаго характера, напр. Іоанна Турнмайера, Альберта Крантца и др. Реформація и контр-реформація содѣйствовала развитію историографіи, особенно во Франціи, отчасти въ Англіи, болѣе всего въ ученыхъ работахъ іезуитовъ. Въ германскихъ странахъ реформація повела за собою болѣе догматическую, чѣмъ историческую литературу. Изъ германскихъ историковъ XVI в. наиболѣе выдается Іоаннъ Слейданъ, въ своей исторіи имп. Карла V сдѣлавшій попытку сліянія художественной формы съ основательнымъ изслѣдованіемъ источниковъ. У другихъ, какъ у Маттея Флація Иллирика и такъ наз. магдебургскихъ центуриаторовъ, Кохлея и др., на первый планъ выступаютъ церковные интересы. Въ Италіи Паоло Сарпи въ Венеціи написалъ знаменитую, направленную противъ папъ исторію Тридентскаго собора, а Аригго Катарина Давила (уже въ первой половинѣ XVII в.), авторъ исторіи франц. междоусобной войны, съ успѣхомъ поддержалъ традиціи прошлаго въ итал. И. Во Франціи, помимо мемуаровъ Рогана, Бассомпьера (III, 160) и др. и скандальныхъ хроникъ Брантома (IV, 599), въ И. выступаютъ на сцену д'Обиньи, историкъ протестантскаго направленія, и де-Ту, написавшій исторію своего времени. Время отъ тридцатилѣтней войны до половины XVIII в. представлено въ И. Западной Европы весьма слабо. При Людовикѣ XIV исторія была въ загонѣ, вслѣдствіе католической и монархической реакціи. Остроумныя, глубокія, иногда художественныя записки, писавшіяся въ это время во Франціи, пока существовали лишь для самихъ авторовъ и для дальняго потомства; много десятиковъ лѣтъ прошло прежде чѣмъ сдѣлались извѣстными свѣту замѣчательные мемуары герцога де-Сенъ-Симона, равно какъ и другія цѣнныя записки и письма, рисующія широкую, подробную и яснообразную картину франц. жизни временъ Людовика XIV. Научный очеркъ исторіи Франціи съ древнѣйшихъ временъ сдѣланъ былъ Мезеръ, но неудачно; столь же неудовлетворительна была попытка Боссюэта, въ «*Discours sur l'histoire universelle*», построить всеобщую исторію на богословскихъ соображеніяхъ и проповѣднической риторикѣ. Историческая критика Пьера Бейля имѣла характеръ простаго скептицизма. Въ Германіи послѣдствія Тридцатилѣтней войны сильно сказались въ И.; она была представлена лишь официальными исторіями, партійными пам-

флетами и антикварными собраниями (напр. въ трудах Паппуса, Хемница, Секкендорфа, Пфундendorфа, Кевенгиллера). Въ Англіи выдаются Гайдъ (Кларендонъ; см. VII, 877), пристрастный историкъ революціи, изъ партіи кавалеровъ, и еписк. Барнетъ (V, 275), представитель противоположной партіи. Однимъ изъ главныхъ послѣдствій господства классицизма было неумѣіе и нежеланіе понять духъ времени, особенно эпохъ отдаленныхъ и подведение всѣхъ историческихъ дѣятелей и событій подъ одну мѣрку. Прошлое, особенно средніе вѣка, считалось неизмѣннымъ интереса, какъ повѣствованіе о преступленіяхъ, дикомъ фанатизмѣ и нечѣжествѣ; характерныя черты времени упускались изъ виду, средневѣковыя и древнія событія превращались въ изображенія настоящаго, подобно тому, какъ подверглись переРожденію типы въ псевдо-классической драмѣ. Во Франціи эта манера развилась раньше всего: историкъ Дюпле (XVII в.) изображалъ варвара Хлодвигу совершенно такъ же, какъ Людовика XIV, даже по внѣшности. Не вполнѣ удачны были въ эту пору и попытки объясненія крупныхъ историческихъ явленій, главнымъ образомъ потому, что вспомогательныя науки, особенно политическая экономія, были еще въ зародышѣ; Монтескье, напр., видитъ причину гибели Западной Имперіи въ отливѣ золота и серебра въ Византію. Тѣмъ не менѣе XVIII в. много сдѣлалъ для И. «Опытъ о нравахъ и духѣ народовъ» Вольтера положилъ основаніе философской исторіи культуры; нѣкоторые исторические труды его были первыми ея примѣрами, хотя не во всѣхъ отношеніяхъ удачными. Немало содѣйствовали преобразованію И. и политическія и философскія сочиненія Монтескье, даваго въ своихъ «Размышленіяхъ о причинахъ величія и паденія римлянъ» примѣръ философскаго изложенія государственной исторіи. Среди ряда историковъ, проводившихъ тѣ или другія тенденціи въ изображеніи древней исторіи Франціи, наибольшую популярность пользовался абб. Мабли, одинъ изъ наиболѣе яркихъ представителей до-революционной либеральной литературы; аббатъ Рейналь, историкъ обѣихъ Индій, также читался очень охотно, какъ идеализаторъ быта дикихъ въ стилѣ Руссо; идеализаторомъ древности выступилъ Жанъ-Жакъ Бартеlemi, авторъ извѣстнаго «Путешествія молодого Анахарсиса». Лучшіе изъ представителей классическаго духа въ И.—англійскіе историки второй половины XVIII в.: скептический философъ Давидъ Юмъ, съ своей знаменитой «Исторіею Англіи отъ вторженія Юлія Цезаря до революціи 1688 г.»; немного многословный Вильямъ Робертсонъ, сдѣлавшій для шотландской исторіи то же, что сдѣлалъ Юмъ для англійской; историкъ римской республики Адамъ Фергюссонъ, историкъ Греціи Вильямъ Митфордъ. Выше всѣхъ ихъ стоитъ одаренный вольтеровскимъ духомъ, но добросовѣстный изслѣдователь по первоисточникамъ, Эдуардъ Гиббонъ (VIII, 613), авторъ «Исторіи упадка и разрушенія Римской имперіи», почти единственнаго историческаго сочиненія XVIII в., которое и теперь не можетъ считаться вполнѣ устарѣвшимъ. Въ нѣмецкой И. конца XVIII в.

господствовала прагматически-раціоналистическая школа Шрёка, Шледера и Шпиттлера; заслуживаютъ еще упоминанія патриотъ І. Мейеръ и риторическій историкъ І. Мюллеръ. Позади корифеевъ И. и въ XVIII в. шла кропотливая работа надъ собраніемъ историческаго матеріала. Составлялись громадныя сборники источниковъ, въ родѣ уже раньше начатаго болландистами (IV, 296), тщательно примѣнялась критика отдѣльных извѣстій, провѣрялась хронологія (знаменит. «L'art de vérifier les dates»). Изъ числа антикваріевъ, работавшихъ надъ подобными собраніями, слѣдуетъ упомянуть Медокса и Раймера въ Англіи, де-Ашері и Мабильона—во Франціи, Муратори—въ Италіи, Лейбница—въ Германіи. Все сдѣланное въ продолженіе предыдущихъ вѣковъ не можетъ, однако, сравниться съ громадными результатами, добытыми историческою наукою въ теченіе XIX вѣка—вѣка преимущественно «исторіи», какъ его иногда называютъ. Еще въ концѣ XVIII в. классическій духъ подвергся гоненіямъ со стороны романтиковъ, которые своимъ увлеченіемъ національною стариною, главнымъ образомъ средневѣковою, внесли въ И. много увлеченій и иллюзій, но зато освободили ее отъ исключительности и тѣсныхъ рамокъ классицизма, сдѣлали возможною болѣе справедливую, менѣе абсолютную оцѣнку лицъ и событій и значительно расширили самыя предѣлы науки, введя въ нее, на примѣръ, изслѣдованіе народныхъ міровоззрѣній, совершенно игнорировавшихся до тѣхъ поръ. Въ то же время успѣла народиться и стать на твердую почву новая наука—политическая экономія, благодаря которой изслѣдованіе экономическихъ сторонъ быта народовъ могло быть поставлено на болѣе прочныя основанія. Наибольшую пользу принесла И. окрѣпшая и развивавшаяся историческая критика, первымъ высокоталантливымъ примѣнителемъ которой былъ знаменитый Вольфъ, въ своихъ «Prolegomena» къ Гомеру (VIII, 157). Одною изъ важнѣйшихъ заслугъ романтизма было возбужденіе интереса къ Востоку, къ его литературѣ и исторіи; здѣсь громадное значеніе имѣли труды Шлегелей, Гердера (VIII, 471) и ихъ послѣдователей. Исторія классической древности подверглась совершенно новой обработкѣ; впервые было понято значеніе надписей для античной исторіи и блестящими примѣрами новыхъ историческихъ трудовъ явились сочиненія Бека, Оффрида Мюллера и др. Изслѣдованія Нибура (см.) создали новое ученое воззрѣніе на римскую исторію; въ его трудахъ впервые приложена была въ широкихъ размѣрахъ свободная отъ предвзятыхъ идей историко-филологическая критика и была предпринята колоссальная попытка на развалинахъ того, что до сихъ поръ, слѣдуя авторитету Ливія, выдавали за римскую исторію, воздвигнуть новое, дѣйствительно историческое зданіе. Савиньи, своими тщательными и остроумными изслѣдованіями о римскомъ правѣ въ средніе вѣка и др., сумѣлъ придать историческому законовѣдѣнію совершенно новое высокое значеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ внѣшнюю привлекательность и классическую ясность. Въ то же время нарожда-

лось новое направление въ исторіи религіи, появлялись первые зачатки изслѣдованій, вскорѣ составивших славу тюрингенской школы (см.). Въ первой четверти XIX в. появился знаменитый методологическій трактатъ Ранке (см.), положившій начало научному изученію политической исторіи новаго времени. Замѣчательное развитіе нѣмецкой И. въ началѣ нашего вѣка оказало нѣкоторое вліяніе и на французскую, особенно на Гизо (VIII, 664), являющагося, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы продолжателемъ философскаго прагматизма Вольтера и Монтескье; это—историкъ ясный и логичный, безъ воодушевленія и фантазіи, считающій своею цѣлью извлеченіе изъ историческихъ матеріаловъ философскихъ выводовъ, нерѣдко съ скрытою тенденціею. Романтизмъ Шатобриана вызвалъ художественную исторію Августина Тьерри и брата его Амедея; красотою изложенія отличаются и сочиненія Баранта. Успѣхъ этихъ историковъ вызвалъ цѣлую школу «пріятныхъ» повѣствователей, къ которымъ принадлежатъ Капфигъ и оба Лакретеля. Трудолюбивые повѣствователи-хронисты Анкетиль, Галлэ и особенно Сисмонди занимаютъ средину между либерально-прагматическою школою Гизо и художественною И. Къ послѣдней принадлежатъ еще авторъ «Исторіи крестовыхъ походовъ» Мишо, историкъ Фронды Сентъ-Олеръ и др., и въ особенности Жюль Мишле, соединившій блестящее художественное изложеніе съ страстнымъ демократизмомъ и легкимъ философскимъ синтезомъ. Сравнительно безпристрастный трудъ по исторіи Франціи принадлежитъ республиканцу Анри Мартену, правдолюбивому, прамодушному и очень прилежному изслѣдователю. Наибольшее вниманіе французскихъ историковъ текущаго столѣтія привлекала исторія Великой революціи. Здѣсь, послѣ трудовъ Тибодо и Лакретеля, важное значеніе имѣли серьезный и объективный Минье, блестящій панегиристъ, но менѣе основательный Тьеръ, демократъ Мишле и социалистъ Луи Бланъ. Начало новой эпохи въ изученіи революціи положилъ Алексисъ Токвиль, связавшій ее съ предыдущимъ періодомъ исторіи—со старымъ порядкомъ. Послѣдующее время дало высокохудожественный, но пристрастный трудъ Тэна, объективнаго Шере (Chérest) и книгу Сореля, въ которой въ первый разъ подробно и глубоко разсмотрѣны отношенія между Европою и революціею. Послѣдній трудъ является одновременно и показателемъ высокой степени разработанности дипломатической исторіи новѣйшаго времени во Франціи (труды Вандалъ, Рамбо и др.). Франція дала также рядъ замѣчательныхъ трудовъ по исторіи древности, особенно Востока; здѣсь величайшимъ изъ французскихъ историковъ былъ знатокъ семитическихъ народовъ и первыхъ временъ христіанства, Ренанъ. Трудъ остроумнаго Ленормана: «Les origines de l'histoire», за смертию автора остался неоконченнымъ. Переходное время отъ древности къ среднимъ вѣкамъ и нѣкоторыя интересныя культурныя явленія древности изслѣдовалъ проникательный, но подчасъ сильно субъективный Фюстель де-Куланжъ. Громадная коллекція, особенно по національной исторіи,

надъ которой въ свое время много потрудился Гизо, дополняютъ богатство французской И. Независимое положеніе въ числѣ нѣмецкихъ историковъ первой половины нашего вѣка занимаетъ Шлоссеръ, историкъ главнымъ образомъ культуры, въ своей исторіи XVIII в. описавшій событія и характеры, дѣянія и мнѣнія недавняго прошлаго съ глубокомыслиемъ, правдолюбиемъ и суровостью, придающими его труду высокій нравственный отпечатокъ. Его лучшими учениками были Гервинусъ (VIII, 469) и Л. Гейссеръ (VIII, 262), отчасти и остроумный Дальманъ (X, 51). Представителемъ романтизма въ нѣмецкой И. былъ Фр. Раумеръ. Громадно число историковъ, посвятившихъ себя изслѣдованію судебъ Германіи и герм. народовъ. Въ консервативно-католическомъ духѣ писали Гфререръ (IX, 949) и Менцель; послѣ нихъ это направленіе временно не давало выдающихся трудовъ, но возродилось въ сочиненіяхъ Янсена по исторіи реформаціи, вызвавшихъ оживленную полемику между католическими и протестантскими историками. Болѣе умѣренный характеръ носятъ труды католика Деллингера (X, 343). Громадное значеніе, главн. образомъ для новой исторіи, имѣютъ труды Леопольда фонъ-Ранке, основателя многочисленной, распространенной и вліятельной школы; единственный въ своемъ родѣ знатокъ источниковъ, особенно архивныхъ, онъ въ многочисленныхъ трудахъ своихъ первый далъ вѣрное освѣщеніе многимъ періодамъ средней и новой исторіи; культурный элементъ, однако, въ сочиненіяхъ его, какъ и его прямыхъ послѣдователей, представленъ слабо. Между учениками его выдвинулись Зибель (XII, 580), Яффе, Мауренбрехеръ, Ноорденъ, Ф. Вегеле (V, 690), Баумгартенъ (III, 201) и мн. др. Одна изъ великихъ заслугъ этой школы—тщательное изученіе и собраніе историческихъ матеріаловъ и критическая ихъ разработка. Надъ этимъ особенно много потрудился Пертцъ, благодаря которому созданъ такой монументальный трудъ, какъ «Monumenta Germaniae historica». Рядъ историковъ сдѣлался извѣстенъ своею многосторонностью, соединенною съ громадными специальными знаніями: Гееренъ (VIII, 235), Ваксмутъ (V, 389), Кортюмъ, Луденъ. Изъ историковъ специально Германіи слѣдуетъ назвать Гизебрехта (VIII, 662), Вайда (V, 384), Ваттенбаха (V, 641), первоклассныхъ знатковъ среднихъ вѣковъ. Новая исторія Германіи нашла себѣ прилежнаго, но очень пристрастнаго къ Пруссіи историка въ Трейчке. Исторія древности, главнымъ образомъ классическихъ странъ, лучше всего обработана нѣм. учеными. Теодоръ Моммзенъ въ своихъ трудахъ всесторонне обнялъ всю римскую древность, Дройзенъ (XI, 183), извѣстный общими трудами и трудами по новой исторіи, далъ исторію эллинизма, а Максъ Дункеръ (XI, 240) сдѣлалъ первую попытку объединить результаты изученія древн. Востока съ результатами, достигнутыми въ наукѣ о классической древности. Много сдѣлалъ также Ницшъ, Курціусъ и безчисленные другіе. Общіе обзоры всего историческаго матеріала сдѣланы были ученикомъ Шлоссера: Криткомъ—по сочиненіямъ учителя, Беккеромъ, Веберомъ и др. Особенностью нѣмецкой И.

являются громадные сборники монографий по истории отдельных стран и событий, как напр. Геерена-Уккерта, Онкена и др. Кроме того, для каждого из германских народов, государств и провинций есть специальные, обстоятельные монографии. В Англии И. в XIX в. обогатилась многими трудами, главным образом по истории этой страны. После пристрастных трудов Тернера и Лингарда появилась более беспристрастная конституционная история Англии Галлама и история Шотландии Титлера. Оригинальный и остроумный критик Карлейль дал ряд трудов, полных гениальных мыслей, но сильно субъективных. По отдельным эпохам английской истории работали Пельгрев, Годвин, Джемс Макинтош, Фрууд и иные, осветившие своими трудами ряд интересных вопросов, главным образом в сфере политики и учреждений. Из представителей этой (антикварной) школы наиболее важны Стеббс, епископ честерский, превосходный знаток судеб английской конституции, и Фриман, немного многословный, но чрезвычайно разносторонний историк, с громадными познаниями в области источников. Среди историков внутренней жизни народа первое место в Англии занял лорд Маколей, редкий пример ученого писателя, популярность которого в стране равняется популярности самых любимых поэтов, повествователей и романистов. Из позднейших писателей лишь один Гринь (IX, 737) своей «Историей англ. народа» хоть сколько-нибудь достиг подобной популярности. Совершенно особняком стоит гениальный самоучка Бокль (IV, 248), с своей неоконченной «Историей цивилизации в Англии», в которой ученый автор, «самый свободомыслящий, когда-либо живший в Англии человек», предполагал построить историю на совершенно новых основаниях и поднять ее на уровень естествознания. История иностранных государств мало привлекала интерес англичан; более всего посчастливилось классическим странам древности, которым Клинтон, Меривель, Грот, Фриман и др. посвятили весьма ценные труды. Северо-американская И. является сколком с английской и немецкой; оригинальным явлением был здесь Эмерсон, во многом сходный с Карлейлем. О новейшей И. в Испании, Италии и т. д. смотри статьи о литературе этих народов.

Литература. Кроме различных всеобщих историй литературы отдельных народов, см. Schäfer, «Quellenkunde der griechisch. und röm. Geschichte» (1882); Ulrici, «Charakteristik der antiken Historiographie» (1883); Creuzer, «Die histor. Kunst der Griechen in ihrer Entstehung und Fortbildung» (1845); A. Croiset, «Hérodote et la conception moderne de l'histoire» («Rev. d. d. mondes», 1890, май); Pöhlmann, «Hellenische Anschauungen ü. den Zusammenhang zwischen Natur u. Geschichte» (Лпц. 1879); Lasch, «Das Erwachen u. die Entwicklung der hist. Kunst im Mittelalter» (Бресл. 1887); Wattenbach, «Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter» (1885—86); O. Lorenz, «Deutschl. Geschichtsquellen im Mittelalter» (1876); A. Ebert, «Allgem.

Geschichte der Literatur des Mittelalters im Abendland» (1889); В. Васильевский, «Обозрение трудов по Византийской истории»; O. Lorenz, «Die Geschichtswissenschaft in Hauptrichtungen etc.» (Берл., 1890); G. Monod, «Bibliographie de l'histoire française» (1888); Ranke, «Zur Kritik neuer Geschichtsschreiber» (1824 и 1874); Nitzsch, «Ueberblick über die Geschichte der Geschichtsschreibung bis auf Niebuhr» (в приложении к его «Geschichte der röm. Republik», 1884—1885); F. Wegele, «Gesch. d. deutschen Historiographie» (Мюнхен, 1885); Giesebrecht, «Die Entwicklung der deutschen Geschichtswissenschaft» («Sybels hist. Zeitschrift», 1859, I); Wesendank, «Die Begründung der neueren deutsch. Geschichtsschreibung durch Gatterer und Schlözer» (Лпц., 1876); Loebell, «Ueber die Epochen der Geschichtsschreibung» («Histor. Taschenbuch» Paymeyer, 1841); Lord Acton, «German Schools of history» («Historical Review» I, 1886); Петров, «Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции» (Харьков, 1861); Куторга, «Историческое развитие понятия истории от древнейших времен на Востоке до нашего времени» («Ж. М. Н. Пр.», 1868); П. Виноградов, «О Ранке и его школе» («Русск. Мысль», 1888, апр.); статьи И. М. Гревса, Н. И. Карьева, Н. Н. Любвича, А. Д. Покровского, П. Д. Погодина, С. Л. Птащникова, Г. В. Форстена, Б. Д. Тураева, А. П. Сапожникова (в «Историческом Обозрении», I—VII, 1890—94).

Ознакомление России со всеобщей историей шло весьма неравномерно. При религиозно-церковном складе всей древне-русской книжной словесности, всеобщая И. в ней была представлена очень слабо; кроме того, религиозный характер литературных произведений этой поры исключал возможность критического отношения к фактам. Первыми в числе книг, из которых русское общество ознакомилось со всеобщей историей, были византийские летописи и хронографы, излагавшие сначала ветхозаветную библейскую историю, потом историю древних царств и наконец византийскую историю. Исторические факты, перемешанные с апокрифическими сказаниями, из этих источников перешли и в нашу литературу, уже со времен первых летописцев. Византийская история была представлена в древне-русской литературе в целом ряде compilations и пересказов из византийских историков, а также некоторых сербских и болгарских авторов. Дополнения из западноевропейских источников изредка стали появляться к началу XVII в.; первыми источниками здесь служили латино-польские хроники Мартина Вельского и Конрада Ликостена. Под влиянием стремления пополнить скудные летописные данные стали появляться дополнения, больше по истории Византии, напр. «О взятии Царяграда» и т. п., но также и из зап. историй, напр. описания «Путешествий Америка Веспучия». При отсутствии критики истинные исторические факты перемешивались с баснословными, распространению которых способствовала популярность сочинений в роду «Слова Меводия

Патарского», «Дѣяній римскихъ» (XI, 358), «Слова о парижѣ Динаръ» и т. п. Скучныя свѣдѣнія по древней исторіи и началу средних вѣковъ могли почерпаться и изъ житій святыхъ, изъ которыхъ митр. Макарій собралъ, въ XVI в., свой высокоцѣнный трудъ, хотя и ненапечатанный, но достойный стать на ряду съ подобнымъ же трудомъ болландистовъ. Въ XVII в., въ бібліотекахъ частныхъ лицъ, уже нерѣдки были зап. книги, въ которыхъ встрѣчались извѣстія «О стагахъ Гунгаріи», королевствахъ «Скотскомъ и Гиберскомъ» и иныхъ государствахъ; переводческая дѣятельность постепенно стала простирается и на эту, до тѣхъ поръ мало затрогивавшуюся область. Петръ Великій обратилъ вниманіе на недостаточную извѣстность западн. исторіи въ Россіи; благодаря ему, появились переводы Пуффендорфова «Введенія въ исторію европ. народовъ», Слейдана и т. п. Исторія древняя и новая не была имъ забыта и при начертаніи плана акд. наукъ. Изъ числа приглашенныхъ академикомъ Готтлибъ - Зигфридъ Байеръ (II, 712) былъ первымъ ученымъ въ Россіи, написавшимъ, хотя и на латинскомъ языкѣ, самостоятельныя изслѣдованія по всеобщей исторіи; пока онъ былъ живъ, онъ, по отзыву Герарда-Фридриха Мюллера, наполнялъ историч. отдѣлъ академическихъ «Комментаріевъ» почти исключительно своими изслѣдованіями по исторіи Востока, сѣв. странъ и Скии, по древностямъ и т. п. Стѣсненія, встрѣчавшіяся со всѣхъ сторонъ при изученіи исторіи, объясняютъ многое въ бездѣятельности его сотоварищей по наукѣ въ академіи; трудныя времена наступили для молодого учрежденія особенно при Аннѣ Ивановнѣ, когда специалистамъ-историкамъ и филологамъ приходилось, вмѣсто ученыхъ изслѣдованій, писать стихотворенія на разные случаи и сочинять фейерверки. На желаніе ознакомиться со всеобщей исторіею, все сильнѣе пробуждавшееся въ обществѣ, отвѣчали переводы, надъ которыми работали многие изъ иностранцевъ-академикомъ, напр. Малардъ и Таубертъ, особенно же В. К. Тредьяковский, переведшій долго служившую руководствомъ «Древнюю исторію» Роллена и «Исторію римскихъ императоровъ» Кретьера, ученика Роллена. Не оживило изученіе всеобщей исторіи и открытіе московскаго университета, гдѣ, за неимѣніемъ русскихъ преподавателей, первоначально она читалась то по-латыни, то по-нѣмцки. Пособіями во всю вторую половину XVIII вѣка, а отчасти въ началѣ XIX вѣка, служили переводные учебники Шрека, Фрейера, и др., всѣ уже устарѣвшіе; по нимъ преподавали и въ гимназіяхъ, и въ духовныхъ училищахъ, и въ университетѣ. Въ послѣднемъ дѣло осложнялось еще тѣмъ, что профессоръ обязывался придерживаться одного какого-либо руководства. Командировки молодыхъ людей за границу при Екатеринѣ II, особенно въ Геттингенъ, Лейпцигъ, Галас и др. города, если не сказались немедленно на болѣеи успѣшности преподаванія, тѣмъ не менѣе принесли большую услугу, между прочимъ, и знакомству съ всеобщей, особенно западной исторіей. Къ концу вѣка ассортиментъ книгъ по исторіи былъ уже довольно великъ и разнообразенъ. Здѣсь были

и переводы мемуаровъ (Ретца, Скулли), и общіе курсы (Шлепера, Фрейера), и рядъ монографій по исторіи Англіи, Швеціи, Польши, Дании. Америки и т. д.; во всемъ этомъ много сдѣлала частная предприимчивость. Кратковременное царствованіе императора Павла, своимъ запрещеніемъ ввоза иностранныхъ книгъ, вызвало застой въ официальному изученію исторіи. Первые изъ русскихъ профессоровъ, явившіеся на смѣну нѣмцамъ — какъ напримѣръ въ Москвѣ Черепановъ и Бекетовъ — преподавали по тѣмъ же отжившимъ учебникамъ, къ которымъ прибавилось еще руководство Кайданова, ни въ чемъ ихъ не превосходившее. Оживленіе первыхъ годовъ царствованія Александра I, давшее и для И. нѣсколько полезныхъ переводовъ и журнальныхъ статей, смѣнилось вскорѣ годами реакціи, которая пыталась и исторіи навязать свои законы. Въ инструкціи начальству одного изъ университетовъ даются предписанія профессору «не вѣдаться въ излишнія подробности баснословія отдаленнѣйшихъ временъ», послѣ изложенія св. Писанія и Геродота, показать въ классическихъ писателяхъ, «что древнѣе основанія Рима нѣтъ ничего положительно достовѣрнаго». Затѣмъ приказывалось доказать, «что христіане имѣли всѣ добродѣтели язычниковъ въ несравненно высочайшей степени и многія совершенно имъ неизвѣстныя», показать на примѣрѣ Римской имперіи, «какъ тщетны и ничтожны передъ Богомъ величіе имперій и ихъ могущество», указать на возобновленіе христіанскихъ наукъ и просвѣщенія, и, послѣ краткаго обзора новѣйшаго времени, заключить курсъ «философскимъ взглядомъ на важнѣйшія ея эпохи, по руководству извѣстной рѣчи Боссюэта и духа исторіи Ферранда». Этой регламентаціи, однако, суждено было существовать лишь немногіе годы. Периодическая печать первая выдвинула на видъ рядъ славныхъ именъ западныхъ ученыхъ, которыхъ официальная наука не замѣчала, занятая все еще своими Ролленомъ, Шрекомъ и Кюверіемъ. Большую услугу оказалъ здѣсь русскому просвѣщенію поклонникъ Нибура, Н. Полевой. Не смотря на вѣншія условія, продолжавшія тѣснить русскую науку, расцвѣтъ ея не замедлил явиться. Центромъ русской И. былъ моск. унив., гдѣ, въ лицѣ Грановскаго (IX, 561), въ первый разъ на кафедрѣ исторіи оказался человекъ одухотворенный идеею, и къ тому же одаренный изумительною способностью увлекать и воодушевлять слушателей. Рядомъ съ нимъ стоятъ талантливыя младшіе современники его: Кудрявцевъ и Ешевскій (XI, 697). Это не были ученые специалисты, зарывшіеся въ кропотливыхъ изысканіяхъ. Наука всеобщей исторіи въ то время была у насъ еще слишкомъ молода, чтобы профессорамъ можно было помышлять о полной самостоятельности при составленіи курса; поэтому они брали готовые выводы у западныхъ ученыхъ, но эти выводы являлись въ ихъ лекціяхъ не въ видѣ разрозненной цѣпи фактовъ, а какъ стройное, изыщное построеніе, связанное одною общою идеею. Влестящее изложеніе, гуманныя убѣжденія, умѣнье заставить слушателя понять практическое зна-

ченіе исторіи—все это производило на многочисленныхъ слушателей Грановскаго неизгладимое впечатлѣніе. Выдвинутое имъ общественное значеніе исторіи и теперь еще живетъ въ традиціяхъ русской науки, и дѣлаетъ его имя незабвеннымъ, хотя самые ученые труды, оставленные имъ, уже заслонены другими. Эпохою для русской исторической науки въ спб. ун-в. было появленіе на профессорской кафедрѣ М. С. Куторги, представителя критической школы Нибура въ полномъ развитіи ея. Онъ первый изъ русск. ученыхъ самостоятельно разработывалъ классическую древность. Самостоятельное изученіе Востока началось еще раньше, благодаря трудамъ Сенковского (мусульм. Востокъ), Іакинава Бичурина (Китай, Монголія, Манчжурія), В. В. Гргорьева (мусульм. и древній Востокъ; см. IX, 723), В. П. Васильева (V, 607) и др. Въ общемъ періодъ послѣднихъ тридцати годовъ долженъ считаться временемъ развитія самостоятельной русской И. по всеобщей исторіи; главными носителями науки по прежнему являются представители ея въ университетахъ и другихъ ученыхъ учрежденіяхъ. Къ 50—70-мъ годамъ относится начало плодотворной дѣятельности Г. Визинскаго, М. М. Стасюлевича, В. И. Герье, В. Г. Васильевскаго, Ф. Бруна, О. О. Соколова, О. И. Успенскаго, И. В. Лучицкаго, А. С. Трачевскаго, Н. Ив. Карѣева, В. В. Бауера; по средней и новой исторіи Васильевскій и Герье создали цѣлыя школы. Византийская исторія начинаетъ специально разрабатываться русск. учеными и дѣлается такимъ ихъ уделомъ, который приходится признавать и заграничнымъ специалистамъ. Цѣлыя большія области ея разработаны В. Г. Васильевскимъ, О. И. Успенскимъ, О. Д. Бѣляевымъ, Н. А. Скабанаовичемъ. Являются также школы русскихъ специалистовъ по средней и по древней исторіи; многие изъ ихъ трудовъ входятъ въ зап. науку. Таковы въ древней исторіи труды О. О. Соколова, В. Г. Васильевскаго, О. Г. Мищенко, Любимица, Бауера, В. И. Герье, Аландскаго, В. Бузескула, Ю. Кулаковскаго и многихъ др. По средней исторіи, послѣ Кудрявцева и Ешевскаго: М. М. Стасюлевичъ, Г. Визинскій, В. Г. Васильевскій, О. Я. Фортинскій, В. И. Герье, В. К. Надеръ, М. Н. Петровъ, Н. А. Осокинъ, П. Г. Виноградовъ, В. П. Бузескулъ, Н. М. Бубновъ. По новой исторіи выдаются труды И. В. Лучицкаго, А. С. Трачевскаго, Н. Ив. Карѣева, В. В. Бауера, В. И. Герье, Н. Н. Любимича, М. С. Корелина, Р. Ю. Виппера, Г. В. Форстена, С. О. Фортунатова, Г. Е. Аванасьева, М. М. Ковалевскаго и др. По исторіи Востока весьма цѣнны изслѣдованія барона Розена, Н. И. Веселовскаго, А. М. Позднѣва, С. М. Георгиевскаго и др. Одновременно сильно растетъ и переводная литература, при чемъ большинство переводовъ исходятъ изъ рукъ специалистовъ или же дѣлаются подъ ихъ непосредственнымъ наблюденіемъ; за послѣднія 20 лѣтъ изданіемъ нѣсколькихъ десятковъ капитальныхъ переводныхъ трудовъ по исторіи оказала большія услуги русской наукѣ фирма Солдатенкова. Внѣшнихъ стѣсненій стало меньше, близость къ зап. наукѣ

увеличилась, и если находящіеся подъ иными условіями учебныя руководства въ русск. литературѣ продолжаютъ еще отставать передъ наукою, то главныя явленія русской научной И. по всеобщей исторіи заставляютъ считать ее за одно цѣлое съ западной; лишь вслѣдствіе недостаточной извѣстности русскаго яз. многія изъ этихъ явленій проходятъ за границею незамѣченными. Мечты о мнимой самостоятельности русск. науки и національной И., вызвавшія, между прочимъ, извѣстную теорію культурно-историческихъ типовъ, наши себѣ мало отголосковъ среди русск. «всеобщихъ» историковъ. Быть можетъ, русской И. суждено достигнуть безпристрастнаго рѣшенія такихъ вопросовъ, къ которымъ на Западѣ все еще продолжаютъ примѣшиваться религиозныя и національныя тенденціи, для русскаго историка не существующія. Ср. Поповъ, «Хронографы» (М., 1866—89); Терновскій, «Изученіе визант. исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси» (Кіевъ, 1875); Пекарскій, «Наука и литература при Петрѣ Вел.» и «Исторія акад. наукъ»; Н. Д., «Студенческія воспоминанія о моск. ун-в.» («Отеч. Зап.», 1858, 8); В. Иконниковъ, «Русскіе ун-в. въ связи съ ходомъ обществ. образованія» («Вѣстн. Европы», 1876, 9—11); «Инструкція директору и ректору каз. ун-в.» (СПб., 1821, стр. 45—47); К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, «Біографіи и характеристики». См. также исторіи ун-в. и дух. акад., историч. и археологическихъ обществъ. О русской И.—см. Россія (исторія). А. М. Л.

ИСТОРИОГРАФІЯ СЛАВЯНСКАЯ.

Первыя извѣстія о славянахъ мы находимъ у византийскихъ авторовъ (см. боннское изданіе «Patrologia graeca» и Krumbacher—«Geschichte d. byzant. Literatur»), затѣмъ у франкскихъ лѣтописцевъ (изд. «Monumenta Germaniae historica» и Wattenbach: «Geschichtsquellen des Mittelalters») и наконецъ у мусульманскихъ писателей (Таркави, «Сказанія мусульм. писателей о славянахъ»; Хвольсонъ, «Извѣстія о хозарахъ, бургасахъ, болгаряхъ, мадыарахъ, славянахъ и руссахъ арабскаго писателя Х в. Ибнъ-Дасты»; Куникъ, «Извѣстія Ал-Бекри и др. авторовъ о Руси и славянахъ»; бар. Розенъ, «Объ Яхъ Антиох.» и др.). Послѣ распространенія христіанства и грамотности у славянъ являются и свои лѣтописцы. И., какъ наука, началась у славянъ лишь съ начала нашего вѣка, вмѣстѣ съ пробужденіемъ національнаго и политич. сознанія славянъ; къ исторіи стали прибѣгать, чтобы найти тамъ поддержку и основаніе для своихъ настоящихъ стремленій. Такой прикладной взглядъ на И. повелъ ко многимъ ошибкамъ, натяжкамъ и невѣрному освѣщенію прошлаго во многихъ историческихъ сочиненіяхъ о славянахъ; но при дальнѣйшемъ развитіи славянскіе исторіографіи приемы исторической работы становятся все критичнѣе, и теперь мы уже имѣемъ не мало прекрасныхъ сочиненій по всѣмъ отдѣламъ исторіи славянскаго міра, принадлежащихъ славянамъ; вкладъ иностранныхъ ученыхъ незначителенъ и страдаетъ односторонностью взгляда, за немногими исключеніями (см. В. Ламанскій, «Объ историческомъ изуче-

считаются египтяне, ассииро-вавилоняне, финикийцы, евреи, персы, греки и римляне, между исторіей которыхъ существуетъ весьма тѣсная связь, тогда какъ Индія и Китай, наоборотъ, стоятъ особнякомъ и не играютъ такой роли въ томъ, что мы называемъ И. всеобщей. Самое дѣленіе всеобщей И. на древнюю, среднюю и новую, впервые введенное Целларіемъ (1634—1707 г.), создалось вслѣдствіе разсмотрѣнія исторіи одной Европы, съ предшествовавшими ей цивилизаціями Востока (въ смыслѣ ближайшихъ къ Европѣ странъ Африки и Азіи), такъ какъ со времени выступленія грековъ на всемірно-историческое поприще историческая жизнь стала сосредоточиваться преимущественно въ Европѣ. Подъ И. разумѣется, далѣе, изображеніе исторической жизни отдѣльных народовъ, странъ и государствъ и вообще какихъ бы то ни было ограниченныхъ территорій (напр., до И. отдѣльныхъ городовъ включительно). Въ отличіе отъ И. всеобщей, такая И. называется частной, при чемъ она получаетъ названіе національной (или отечественной), если изображеніе жизни народа сдѣлано лицомъ, къ этому народу принадлежащимъ и ставившимъ своей задачей содѣйствіе національному самосознанію своего народа. Отъ всеобщей и частной И. нужно, затѣмъ, отличать біографіи и историческія монографіи, изучающія либо жизнь одного какого-нибудь лица, дѣйствовавшего въ И., либо какое-либо отдѣльное событіе и явленіе. Съ этимъ дѣленіемъ И. на всеобщую и частную не слѣдуетъ смѣшивать дѣленіе ея на общую и спеціальныя. Первая имѣетъ дѣло со всѣми, по возможности, сторонами жизни цѣлаго человечества или отдѣльнаго народа, отдѣльной эпохи, тогда какъ И. спеціальная изучаетъ лишь какую-нибудь одну сторону исторической жизни, напр. религію, философію, литературу, искусство, право, экономическія отношенія и т. п. Наконецъ, можно указать еще на одно существующее въ И. дѣленіе въ отношеніи къ изображаемымъ ею предметамъ. Самыми ранними фактами И. были событія и дѣйствія людей, изъ которыхъ эти событія складываются; главнымъ предметомъ И. считались, поэтому, *тὰ πράγματα*, *res gestae*, «дѣянія», *dzjeje*, *dějiny* и т. п. И., выдвигающую на первый планъ фактическій матеріалъ такого рода, можно назвать прагматическою (отъ *τὰ πράγματα*), хотя подъ прагматизмомъ, собственно говоря, разумѣется не характеръ матеріала, а способъ связыванія фактовъ, какъ причинъ и слѣдствій. Отъ такой прагматической И. слѣдуетъ отличать И. культурную въ широкомъ смыслѣ этого слова, понимая подъ культурою формы матеріальнаго, духовнаго и общественнаго быта народовъ (одежда, жилище, пища, вооруженіе, орудія и техника, языкъ, обычай, нравы, религія, философія, наука, литература, искусство, государственное и общественное устройство, право и экономическія отношенія). Такъ какъ со словомъ культура (связывается, главнымъ образомъ, представленіе лишь о духовной сторонѣ исторической жизни, которой противопоставляется сторона общественная, то, во избѣжаніе недоразумѣній, можно культурную называть И. бытовою, подраздѣляя ее на И.

вышняго быта (тѣмъ особенно занимается археологія), И. культурную въ тѣсномъ смыслѣ (И. духовнаго быта) и И. социальную, при чемъ послѣдняя равнымъ образомъ можетъ быть понята и въ широкомъ, и въ узкомъ смыслѣ, смотря по тому, противопоставляемъ ли мы обществу, какъ совокупность учреждений и отношеній (политическихъ, юридическихъ и экономическихъ), чисто духовнымъ проявленіямъ исторической жизни, или же противопоставляемъ его государству. Въ первомъ случаѣ социальная И. отличается отъ И. культурной, во второмъ—отъ И. политической. Если мы примемъ еще въ расчетъ, что весьма нерѣдко, въ виду особенной важности политическихъ событий, И. прагматическая называется политической *par excellence*, и въ такомъ смыслѣ политическая И. противопоставляется культурной уже совсѣмъ съ иной точки зрѣнія (именно какъ прагматическая—бытовой), то мы увидимъ, какъ спутана общая историческая терминологія, что, въ свою очередь, влечетъ за собою массу недоразумѣній при опредѣленіи сущности и задачъ исторической науки. Причины этой путаницы слѣдующія. Во первыхъ, съ теченіемъ времени и у разныхъ писателей такіе выраженія какъ «прагматизмъ», «культура», «политическая И.», «соціальное направленіе исторіографіи» и т. п. получали различное значеніе, тѣмъ болѣе, что въ разныхъ языкахъ употребляется неодинаковая терминологія, и напр., нѣмецкое «культура» (*die Cultur*) у французовъ замѣняется не вполне совпадающимъ съ нимъ по значенію словомъ «цивилизція» (*la civilisation*). Во вторыхъ, эти термины въ одно и то же время и даже одними и тѣми же писателями употребляются иногда въ различныхъ смыслахъ, болѣе широко или болѣе узко, какъ это было показано относительно названій И. культурной и социальной. Если, однако, мы обратимъ все наше вниманіе на существо дѣла, то увидимъ, что дѣленію И. на прагматическую или политическую (И. событий) и культурную или культурно-соціальную (И. быта) соответствуютъ двѣ разныя стороны историческаго процесса, находящіяся между собою въ постоянномъ взаимодействіи: одну сторону составляютъ событія, находящіяся между собою въ причинной связи, зависящія отъ данныхъ формъ быта и вмѣстѣ съ тѣмъ влияющія на измѣненіе этихъ формъ, а другую сторону составляютъ эти самыя формы, однѣ изъ другихъ развивающіяся и находящіяся съ событіями въ указанныхъ отношеніяхъ активнаго и пассивнаго вліянія. Поэтому прагматическая и культурная И. берутъ каждая историческую жизнь лишь съ одной стороны, полное же представленіе исторической жизни человечества, народа или эпохи можетъ дать только соединеніе обѣихъ точекъ зрѣнія. Вышшимъ идеаломъ исторической науки можно считать органическое объединеніе въ одномъ цѣломъ всего того, что добывается частными и спеціальными исторіями, и, притомъ, объединеніе съ той точки зрѣнія, по которой историческій процессъ состоитъ въ взаимодействіи прагматизма и культуры (т. е. человѣческихъ дѣйствій и формъ быта), подчиняющемся законамъ причинности и развитія. Но предметъ И., какъ

единой науки, до такой степени обширны и сложны, охватывая столь большія пространства и періоды времени и содержа въ себѣ такое громадное количество отдѣльных праматическихъ и культурныхъ фактовъ, что въ дѣйствительности идеалъ этотъ навсегда останется недосигаемымъ.

Какия бы задачи ни преслѣдовала и какими бы предметами ни занималась И., она нуждается въ извѣстномъ фактическомъ матеріалѣ и должна прибѣгать къ извѣстнымъ приемамъ пользованія ими. Ученіе о нахожденіи историческаго матеріала и о способахъ его обработки даетъ особая дисциплина, извѣстная подъ названіемъ исторіи. Фактическій матеріалъ извлекается изъ такъ называемыхъ историческихъ источниковъ, которые или сами суть непосредственные факты (памятники), или являются лишь указаніями на факты (свидѣтельства), при чемъ нерѣдко одинъ и тотъ же источникъ играетъ и ту, и другую роль: напр., *Иліада* и *Одиссея* Гомера—факты, подлежащіе непосредственному изученію, и въ то же время свидѣлствуютъ о фактахъ, характеризующихъ бытъ древнихъ грековъ въ такъ назыв. гомерическую эпоху. Все зависитъ отъ того, обладаетъ ли вообще въ источникѣ характеръ памятника или свидѣтельства и съ какою цѣлью мы къ нему обращаемся въ каждомъ данномъ случаѣ. Памятники бывають вещественные и словесные. Вещественными памятниками (вполнѣ или отчасти уцѣлѣвшія произведенія архитектуры, живописи и ваянія, принадлежности религіознаго культа, могилы, саркофаги, надгробные памятники, сооруженія, орудія, предметы домашняго обихода, монеты, медали, эмблемы, гербы, печати и т. п.) занимаются особыя дисциплины, называемыя нерѣдко вспомогательными науками исторіи: археологія, нумизматика, геральдика, сфрагистика. Эпиграфика, палеографія, дипломатика изслѣдуютъ писменные памятники, поскольку это требуетъ специальныхъ и даже чисто техническихъ свѣдѣній *). Весьма часто вещественные памятники имѣють на себѣ надписи, которыя сами по себѣ являются уже памятниками словесными и притомъ писменными, въ отличіе отъ устныхъ, какими являются произведенія такъ называемой народной словесности. Особенное значеніе такіе памятники имѣють въ качествѣ источниковъ историческаго знанія для древнѣйшихъ эпохъ, и въ этомъ отношеніи, напр., въ XIX в. И. сильно двинулась впередъ: раскопки развалинъ древнихъ городовъ въ Азіи, Африкѣ и Европѣ и чтеніе надписей на храмахъ, дворцахъ, гробницахъ и т. п. открыли массу такихъ фактовъ, которыхъ мы не могли бы узнать изъ другихъ источниковъ, а изслѣдованіе народной поэзіи—и вообще весь такъ называемый фольклоръ (см.), включая сюда и изученіе языка съ исторической точки зрѣнія—пролило весьма важный свѣтъ на многія стороны исторической жизни. Къ писменнымъ памятникамъ относится и то,

что въ свое время было написано для удовлетворенія текущихъ потребностей жизни, а не для того, чтобы передать потомству о какихъ-либо фактахъ современности и прошлаго. Въ этомъ смыслѣ памятниками являются, во первыхъ, всѣ записи дѣловаго характера или документы, начиная съ государственныхъ грамотъ и дипломатической переписки, переходя къ другимъ officialнымъ актамъ, важнымъ въ общественной и частной жизни, и кончая письмами отдѣльныхъ лицъ или приходо-расходными книгами. Документы подобнаго рода носятъ обыкновенно названіе архивныхъ источниковъ, ибо болѣею частью хранятся въ государственныхъ, городскихъ, монастырскихъ, частныхъ и т. п. архивахъ. Обращеніе историковъ къ архивному матеріалу въ XIX ст. сильно двинуло впередъ изученіе средневѣковой и новой И., съ которыми раньше знакомились, главнымъ образомъ, на основаніи источниковъ другого рода. Въ эту же категорію нужно отнести памятники юридическаго и экономическаго содержанія, каковы законы и сборники законовъ, судебныя дѣла, статистическія описанія въ родѣ политиковъ (см.), писцовыхъ книгъ и т. п. Вторую категорію письменныхъ памятниковъ составляютъ произведенія литературы, разумѣя подъ этимъ словомъ не только поэзію и изысканную словесность вообще, но и произведенія богословскія, философскія, научныя, публицистическія и т. п. и особенно отражающія на себѣ современность рѣчи, брошюры, памфлеты, летучіе листки, а за послѣдніе вѣка—журналы и газеты, важные какъ матеріалъ для И. общественнаго мнѣнія. Долгое время историки обращались преимущественно, даже чуть не исключительно, къ такимъ письменнымъ источникамъ, которые прямо были обязаны своимъ происхожденіемъ желанію составителей передать потомству о тѣхъ или другихъ событіяхъ общественной или частной жизни. Такіе источники и называются историческими въ тѣсномъ смыслѣ. Таковы уже многія надписи, которыя прямо дѣлались для увековѣченія тѣхъ или другихъ событий; въ особенности же такое значеніе имѣють всѣ произведенія, носящія названіе annalовъ, хроникъ, лѣтописей, мемуаровъ, дневниковъ и пр., равно какъ сочиненія историческія вообще, разъ тѣ источники, которыми пользовались ихъ авторы, до насъ не дошли, а потому они получаютъ характеръ такъ называемыхъ первоисточниковъ. Для исторической работы недостаточно найти еще источники; нужно еще подвергнуть ихъ изслѣдованію. Въ примѣненіи къ писменнымъ памятникамъ особенно важную роль играетъ такъ называемая историческая критика, или критика источниковъ, имѣющая свои особыя правила. И. наука знаетъ громадное количество подложныхъ документовъ, намеренныхъ искаженій въ подлинныхъ документахъ, сознательно или безсознательно невѣрныхъ сообщеній. Главная цѣль исторической критики—выдѣлить истину изъ возможныхъ подлоговъ и искаженій или выдумокъ и прямой лжи. Развитіе И., какъ науки, именно въ томъ, между прочимъ, и состояло, что она дѣлалась все болѣе и болѣе недовѣрчивой къ своимъ источникамъ,

*) По старой привычкѣ къ вспомогательнымъ наукамъ и. приписываютъ еще географію, этнографію и статистику; но въ этомъ же смыслѣ вспомогательными науками могутъ быть названы и политическая экономія, и право, и И. литературы.

прежде всего ставя вопрос, насколько и в чем (а также, конечно, и почему) можно полагаться на тот или другой источник. Но критика источников не идет даже констатирования тех или других фактов, что составляет лишь начало работы историка. Научно установленные факты связываются, далее, между собою, по категориям причинности или развития (связь каузальная или эволюционная), в особые ряды фактов, при чем нередко приходится восполнять недостающие звенья этих рядов посредством гипотезы или аналогии и устанавливая взаимоотношения между самыми рядами, в одних случаях, напр., заключая от действий к вызвавшим их мотивам, в других стараясь объяснить частное из общего, или наоборот. Исследованием того, как происходит эта работа историка, занимается историческая методология, которая, вместе с критикой источников, является весьма существенной частью истории. Дальнейшая задача историка заключается в том, чтобы передать другим результаты своего исследования. Если он имеет в виду только специалистов, то обыкновенно старается воспроизвести весь тот умственный процесс, который привел его к тем или другим выводам, и его изложение получает критический характер; но если он пишет для обыкновенных читателей, то воспроизводит не тот путь, которым он шел, а ту историческую картину, которая составила в его уме на основании его понимания исследованных фактов — и в таком случае изложение дается догматическим. Конечно, всегда возможны переходы из одной формы в другую или смешения обеих видов исторического изложения; но во всяком случае всякая критическая работа всегда производит впечатлительные средства, а целью является изложение догматическое. Последнее может иметь весьма различный характер: оно бывает более детальным или более обобщающим, более конкретным или более абстрактным, более художественным или более философским и, наоборот, лишенным эстетических и идейных достоинств и т. п. Высшего идеала историческое произведение, рассматриваемое со стороны изложения, достигает тогда, когда историк является одновременно исследователем, мыслителем и художником. Эти три качества вообще весьма редко соединяются в одном лице; кроме того, в разные эпохи исторической литературы к историка предъявлялись и неодинаковые требования. Было время, когда в И. особенно ценилась литературность изложения: уже у греков, напр., а потом и у римлян развилась риторическая историография, обращавшая внимание не столько на предмет, сколько на форму, а в новейшее время такой взгляд на И. выразился, напр., в том, что у французских до сих пор держится обычай относить И. к словесности (*lettres*), а не к науке (*science*), или в том, что немецкие руководства по истории первой половины XIX века очень много трактовали об историческом искусстве (*die historische Kunst*), посвящая, наоборот, очень мало места

вопросу о научности И. У нас Бѣлинский одно время думал, что исторический роман должен рано или поздно вытеснить И. Признавая большое значение за художественным элементом в И. (особенно в делах преподавания или популяризации исторических знаний), нельзя не заметить, что слишком большая забота о превращении И. в особый вид изящной литературы неминуемо должна отразиться на понижении научного значения И., многие отдели и явления которой не поддаются художественному изображению. С другой стороны, исключительное стремление к идейности в И., характеризующее XVIII стол., без того противовѣса, который должен заключаться в научном уважении к фактам, нередко делало из И. лишь способ для проведения каких-либо идей, прямо не вытекавших из фактов и иногда им даже противоречивших. Научное достоинство И. требует, чтобы она не превращалась в своего рода публицистику, тем более, что многие вопросы И. и не могут быть предметом публицистического обсуждения. В современном понимании И. есть прежде всего наука, а не особый вид изящной литературы или публицистики; наука же налагает на каждого ею занимающегося извѣстные требования, далекие от требований исторического романа или политического памфлета. И при научном отношении к И. возможно, однако, большая злоупотребления, к числу которых относится, напр., довольно частое увлечение методом, вытекающее из исключительного интереса не к тому, что исследуется, а к тому, как исследование производится — увлечение, совершенно аналогичное «словеснической» заботе о внешней форме или публицистической тенденциозности.

Вопрос о содержании И. в разное время решался различным образом, в зависимости от данной культурной и социальной среды. В общем можно сказать, что тем развитие общественная жизнь народа или эпохи, тем сильнее в их исторической литературе проглядывает общественный характер и тем заметнее связь ее с вопросами дня, при чем, конечно, каждый вносит в историческую науку свое понимание существенного ее содержания. В эпохи общественного застоя занятие И. получает слишком внешний и отвлеченный характер; историография ударяется или в реторику, или в мелочный исследования антикварного или критического содержания. Наоборот, культурное движение XVIII в. выдвинуло на первый план И. «нравов и духа народов» (выражение Вольтера) и И. умственного и нравственного прогресса человечества; французская революция и вызванные ею перевороты оживили интерес к И. политическим форм и государственных переворотов, а социальный вопрос во второй половине XIX в. поставил на очередь изучение И. экономических отношений. В этом смысле историография всегда отражала на себя господствующие интересы эпохи. Само собою разумеется, однако, что научное определение существенного содержания И. должно определяться из самого понятия И.

и того представлѣнія о ея предметѣ, которое является общимъ результатомъ развитія исторіографіи (см. Философія И.). Кромѣ того, И. всегда отражала на себѣ и данныя политическія условія, благоприятствовавшія ея развитію или, наоборотъ, ему препятствовавшія. Достоинство И., какъ «свидѣтельница истины», требуетъ полной свободы; но бывали цѣлые періоды, когда правительства не позволяли касаться наиболее важныхъ историческихъ вопросовъ, по тѣмъ или другимъ политическимъ соображеніямъ, и общество, находившееся въ другихъ отношеніяхъ на высокомъ культурномъ уровнѣ, или совсѣмъ не знало своего прошлаго, или представило его себѣ въ томъ видѣ, въ какомъ это было желательно официальной исторіографіи. Одна изъ важнѣйшихъ культурныхъ и социальныхъ задачъ И., какъ науки, состоитъ именно въ томъ, чтобы давать обществу настоящее знаніе его собственнаго и чужого прошлаго, безъ котораго немислимо и надлежащее пониманіе современности. Историческому образованію принадлежитъ, поэтому, особенно важное значеніе; но для того, чтобы оно могло выполнить свою задачу, необходимо положить въ его основу вполне научную И., отрѣшившуюся отъ всякихъ такъ называемыхъ «патріотическихъ» легендъ и официальныхъ искаженій, какую бы окраску (либеральную или консервативную, напр.) ни имѣли эти легенды и какіе бы мотивы ни руководили виновниками этихъ искаженій.

Никогда И. не достигала такой научной высоты и такого вліянія на общество, какъ въ XIX ст. Объ этомъ свидѣтельствуетъ громадная масса опубликованнаго и изслѣдованнаго историческаго матеріала (монументальнаго, эпиграфическаго, архивнаго и т. п.), историко-критическихъ розысканій, біографій, монографій, частныхъ и всеобщихъ И., а также большое количество, основанныхъ для служенія исторической наукѣ, ученыхъ обществъ, издательскихъ комиссій, специальныхъ журналовъ и историко-графическихъ обзоровъ, и, наконецъ, постановка на почву историческаго изученія такихъ предметовъ, какъ языкъ, литература, философія, право, экономическая жизнь, которые еще въ прошломъ столѣтіи, а иногда и въ началѣ нынѣшняго, изучались только догматически. Лишь благодаря такому своему развитію, И. можетъ сдѣлаться «наставницей жизни», какъ того желали еще древніе, слишкомъ узко понимая это значеніе И., а именно сводя ее къ собранію политическихъ и нравственныхъ примѣровъ для государственныхъ дѣятелей и частныхъ людей. Главныя задачи, какія можно поставить И., въ смыслѣ общественно-образовательнаго средства, сводятся къ слѣдующему: 1) пониманіе прошлаго, а слѣдовательно и настоящаго родной страны; 2) знаніе отношеній ея къ другимъ странамъ и ея мѣста въ исторіи человечества; 3) усвоеніе главныхъ результатовъ всемірно-историческаго процесса и 4) развитіе историческаго отношенія къ дѣйствительности, яснаго представлѣнія о томъ, какъ создались современные отношенія, какъ совершаются вообще историческія перемѣны и въ какомъ направленіи движется историческая жизнь. Кромѣ того, историческое образо-

ваніе важно и съ многихъ чисто специальныхъ точекъ зрѣнія, такъ какъ всякая общественная дѣятельность требуетъ знанія созданной И. среды, подлежащей нашему воздѣйствію, и тѣхъ способовъ, которыми, въ каждой данной области, историческій процессъ достигаетъ тѣхъ или другихъ результатовъ. Историческому преподаванію, какъ и самой И., въ разное время ставили разныя цѣли, постороннія исторической наукѣ, превращая ее въ одинъ изъ способовъ развитія памяти или въ одно изъ средствъ внушенія ученикамъ «любви къ отечеству» или «нравственныхъ правилъ». Въ настоящее время лучшими иностранными и русскими историками и педагогами признано, что обученіе И. должно происходить въ томъ же научномъ духѣ, въ какомъ совершается и самая разработка историческихъ знаній.

Не смотря на то, что за послѣднее столѣтіе И. сдѣлала, въ смыслѣ точности, громадные успѣхи, приходится нерѣдко слышать, что исторія не есть наука и сдѣлаться ею не можетъ. Защитники этого взгляда или понимали слово «наука» въ какомъ-либо условномъ смыслѣ, подъ который, кромѣ И., не подошли бы и многія другія науки, или требовали отъ И. такой же точности, какую имѣютъ, напр., математика или механика. Напр., Шопенгауеръ потому отрицалъ значеніе И., какъ науки, что всякая наука есть система общихъ понятій, находящихся между собою въ необходимомъ подчиненіи и соподчиненіи, тогда какъ И. занимается единичными фактами, координированными между собою чисто внѣшнимъ образомъ; но на это можно возразить, что общее опредѣленіе науки Шопенгауеромъ дано чисто условное, составленное лишь по типу наукъ извѣстной категоріи. Что касается до ссылки на неточность историческихъ знаній, то въ каждой научной области мы найдемъ большее или меньшее количество положеній точныхъ, рядомъ съ положеніями неточными: все дѣло лишь въ степени точности или неточности отдѣльныхъ наукъ, а не въ коренной ихъ противоположности. И. есть наука, потому что ставитъ себѣ, вмѣстѣ съ другими науками, одну и ту же задачу—познаніе дѣйствительности, открытіе объективной истины, установленіе причинной или эволюціонной связи между явленіями, возведеніе отдѣльныхъ фактовъ къ общимъ началамъ, проникновеніе въ сущность законовъ, управляющихъ явленіями, и т. п., и для достиженія этихъ цѣлей пользуется такими же приемами мысли, какими и другія науки добываютъ свои результаты. Другими словами, И. есть наука и по своимъ задачамъ, и по своему методу. Въ сравненіи съ другими науками, изслѣдующими прошлое—будетъ ли то прошлое всей вселенной, или нашей солнечной системы, или земного шара, или, наконецъ, органической жизни на поверхности земли—и неизбежно строящими свои выводы гипотетически, И. имѣетъ то преимущество, что обладаетъ громаднымъ, разнообразнымъ и притомъ столь подробно и ясно говорящимъ матеріаломъ, какого нѣтъ ни у одной другой науки. Были въ ходу одно время нападки на научность И., исходившіе изъ недостоверности ея источниковъ; но это относилось къ

И. древнѣйшихъ эпохъ, для которыхъ наука, дѣйствительно, не обладаетъ достаточнымъ матеріаломъ и должна прибѣгать къ болѣе или менѣе смѣлымъ гаданіямъ. Чѣмъ ближе мы подходимъ къ нашимъ временамъ, тѣмъ, въ общемъ, И. дѣлается все болѣе и болѣе достовѣрною. Самая исторія И. убѣждаетъ насъ въ томъ, что въ этой области человѣческихъ знаній совершается развитіе, общій характеръ котораго можно опредѣлить, какъ развитіе въ И. научнаго духа. Во первыхъ, въ И. все болѣе и болѣе развивается критическое отношеніе къ источникамъ и вырабатываются приемы научной критики; первое же требованіе научности — изслѣдовать, а не принимать на вѣру. Во вторыхъ, въ И. развивается все болѣе и болѣе стремленіе къ тому, чтобы понимать и выяснять внутреннія отношенія, существующія между отдѣльными фактами, пользуясь категоріями причинности и эволюціи, не довольствуясь однимъ внѣшнимъ изображеніемъ послѣдовательности, которое могло удовлетворять историковъ лишь до тѣхъ поръ, пока они еще стояли на точкѣ зрѣнія искусства, а не науки. Мало того: эволюціонная точка зрѣнія, давшая въ XIX в. столь плодотворные результаты въ естествознаніи и въ философій, впервые выработалась именно въ области историческихъ занятій. Наконецъ, въ развитіи И. все болѣе и болѣе замѣчается еще одно важное явленіе, свидѣтельствующее о превращеніи И. въ науку: И. перестаетъ именно быть прислужницей теологій, морали или политики, ставя себѣ цѣлью не произвольное подтвержденіе примѣрами, взятыми изъ прошлаго, тѣхъ или иныхъ догматовъ или положеній, а объективное знаніе истины, хотя бы оно и шло въ разрѣзъ съ установившимися мнѣніями. Въ настоящее время отъ историка требуется не только критическое отношеніе къ источникамъ и умѣнье восстанавливать дѣйствительную связь фактовъ, но и то научное безпристрастіе, которое называется историческимъ объективизмомъ.

Съ литературными произведеніями историч. характера мы встрѣчаемся у всѣхъ народовъ древности, но лишь у грековъ впервые положено было основаніе настоящему развитію исторіографіи, приведемъ къ современной исторической наукѣ. Греки и римляне, бывшіе и въ этой области учениками грековъ, оставили послѣ себя великіе образцы исторической литературы, подъ вліяніемъ которыхъ въ эпоху Возрожденія или гуманизма зародилась и новая европейская исторіографія. На тѣхъ общихъ основаніяхъ, какія были заимствованы новыми европейскими народами у классическаго міра, мало-по-малу, за послѣднія столѣтія, выработалась вся современная историческая наука. Хотя и принято «отцомъ И.» считать Геродота (VIII, 544), но настоящимъ представителемъ научной И. былъ Фукидидъ, такъ какъ только у него мы встрѣчаемся впервые съ критическимъ отношеніемъ къ источникамъ, съ психологическимъ обоснованіемъ разсказываемыхъ событій и съ большимъ политическимъ пониманіемъ. Въ смыслѣ развитія общихъ историческихъ взглядовъ больша заслуга принадлежитъ Полибію (во II в.

до Р. Хр.), который первый поставилъ сознательно задачу всемірной исторіи. Отдѣльные И., по его словамъ, какъ члены, отдѣленные отъ тѣла, не могутъ дать представленія о цѣломъ, и только общая И. доставляетъ знаніе связи событій, ихъ причинъ, слѣдствій и сопровождающихъ обстоятельствъ: судьба свела вмѣстѣ исторіи отдѣльныхъ странъ, т. е. всѣ происшествія вселенной, и заставила ихъ дѣйствовать въ одномъ направленіи. Подлібій первый обозначилъ задачи прагматической И., указавъ на необходимость установленія причинной связи между фактами; онъ уже предчувствовалъ, что историческіе факты подлежатъ обобщенію, и говорилъ объ «естественномъ измѣненіи однихъ государственныхъ формъ въ другія»; онъ думалъ, что можно открыть, «какая вообще политическая форма существовала первоначально, какая потомъ и какъ онѣ переходили одна на другую», и что, опираясь на такое знаніе, можно дѣлать предсказанія относительно будущаго. Замѣчательно, что уже греки поставили и начали теоретически разрѣшать вопросъ о томъ, какъ слѣдуетъ писать исторію; въ этомъ смыслѣ Лукіанъ Самосатскій (II в. по Р. Хр.) написалъ небольшой трактатъ «Πῶς δεῖ τὴν ἱστορίαν συγγράφειν». Римляне въ исторіографіи были главнымъ образомъ учениками грековъ, выставивъ, въ золотой вѣкъ своей литературы, нѣсколько замѣчательныхъ историковъ. Средніе вѣка были временемъ упадка исторіографіи, какъ со стороны научной, такъ и со стороны литературной; мѣсто И. заступили анналы и хроники. Лишь въ такъ называемую эпоху Возрожденія или гуманизма возобновляется прерванная предыдущими упадкомъ культуры традиція исторіографіи, и прежде всего въ Италіи, гдѣ наиболѣе видные гуманисты (IX, 379—386) выступали и въ качествѣ историковъ. Въ эту эпоху (XV в.) жилъ Лаврентій Валла (см. V, 421), на котораго справедливо смотрять, какъ на родоначальника новѣйшей исторической критики. Съ конца среднихъ вѣковъ стала развиваться мемуарная литература, получившая особенное значеніе начиная съ бурной эпохи религіозной реформации, событія которой вообще оживили исторіографію. Въ смыслѣ пониманія задачъ науки и искусства новая европейская исторіографія не сразу ушла впередъ по сравненію съ тѣми образцами, которые были даны классической древностью. Настоящее обновленіе исторической науки совершилось лишь въ два послѣднія столѣтія. Въ XVIII в. впервые возникло философское отношеніе къ И., однимъ изъ первыхъ представителей коего былъ Вико (VI, 289), пытавшійся создать общую теорію историческаго процесса. Благодаря сближенію между философій и И., въ XVIII ст. получила начало обширная литература по философій И. (см.), съ которою одновременно зародилась и такъ называемая культурная И. Одинъ изъ первыхъ писателей, формулировавшихъ ея задачи, былъ Вольтеръ, написавшій въ этомъ направленіи свой знаменитый «Опытъ о нравахъ и духъ народовъ» (см. VII, 154). Монтескье, въ своихъ «Разсужденіяхъ о при-

чинахъ величія и паденія римлянъ», показали, какъ слѣдуетъ относиться къ историческимъ фактамъ, чтобы сдѣлать ихъ предметомъ не только внѣшняго изученія, но и внутренняго пониманія. Подъ сильнымъ вліяніемъ французскихъ идей относительно задачъ И. выступили знаменитые англійскіе историки конца XVIII вѣка (см. V, 812) — Юмъ, Робертсонъ, Гиббонъ, которые, между прочимъ, обратили вниманіе на И. новой Европы, тогда какъ раньше главнымъ предметомъ изученія былъ по преимуществу классическій міръ. Въ 20-хъ годахъ XIX в. впервые кладется начало научному изслѣдованію въ областяхъ средневѣковой и новой И.: во Франціи прочное основаніе этому дѣлу, положили, главнымъ образомъ, Гизо (VIII, 664—665) и Ог. Тьерри, а въ Германіи въ то же время начинается свою замѣчательную дѣятельность по изученію новой И. (главнымъ образомъ XV—XVII вв.) Ранке. Въ то же время общая исторія, ранѣе ограничившаяся преимущественно одной политикою, стала захватывать и другія стороны жизни. Этому много способствовало и то, что въ другія гуманитарныя и общественныя науки, въ которыхъ прежде каждый предметъ изучался лишь теоретически и внѣ его связи съ общою историческою обстановкою, стали проникать интересъ къ историческому прошлому и историческая точка зрѣнія, въ силу которой наилучшимъ средствомъ познанія той или другой стороны культурной или спеціальной жизни человѣка является историческое изученіе, слѣдующее за процессомъ развитія данныхъ явленій и за ихъ связью съ другими общественными явлениями. Уже въ самомъ началѣ XIX в. г-жа Сталь намѣтила будущую задачу И. литературы; В. Гумбольдтъ (IX, 893—894) указалъ на И. языка (историческое языкознаніе было, впрочемъ, главнымъ образомъ созданіе Я. Гримма—см. IX, 732—734); Савиньи положилъ начало исторической школѣ права; нѣсколько позднѣе Гегель первый настоящимъ образомъ занялся И. философій, а въ серединѣ вѣка Рошерь основалъ историческое направленіе въ политическую экономію. Обращеніе историковъ къ литературному, юридическому, философскому, экономическому и т. п. матеріалу и одновременное съ этимъ обращеніе словесниковъ, юристовъ, философовъ, экономистовъ къ историческому методу указываютъ на то, какой важный переворотъ совершился въ области И. въ первой половинѣ XIX в. Тогда же возникаетъ мысль объ изученіи И. съ точки зрѣнія законовъ, управляющихъ историческими и общественными явлениями, и начинается формироваться особая наука объ обществѣ, получившая названіе социологіи (см.). Между многочисленными попытками построенія этой науки особаго вниманія заслуживаютъ тѣ, которые сдѣланы съ точки зрѣнія такъ называемаго сравнительно-историческаго метода (см.), т. е. сравнительнаго изученія историческихъ фактовъ, взятыхъ изъ жизни разныхъ народовъ и разныхъ временъ. Наконецъ, въ XIX в. расширились и лучше выяснились задачи философій исторіи, которая стала развиваться въ разныхъ направленіяхъ, благодаря вліянію на общія историческія идеи не только отдѣ-

ныхъ философскихъ системъ, но и отдѣльныхъ наукъ, напримѣръ естествознанія, психологіи, политической экономіи (см. Философія И.). Несомнѣнно также, что въ XIX стол. И. вошла въ болѣе тѣсное соприкосновеніе съ жизнью. Замѣчательно, напр., что наиболѣе крупныя труды франц. исторической литературы въ началѣ ея современнаго развитія соотвѣтствовали тѣмъ или другимъ вопросамъ дня, и что вообще обостреніе экономическихъ отношеній и социальнаго вопроса съ середины XIX в. вызвало къ жизни въ высшей степени важное направленіе исторической науки, извѣстное подъ названіемъ «соціальной исторіи» (см.) и доходящее до крайности въ такъ назыв. экономическомъ матеріализмѣ (см.). Одной изъ особенностей современнаго состоянія исторической науки являются разныя коллективныя предпріятія въ области И. Таковы: 1) историческія коммиссіи (см.), занимающіяся изданіемъ историческаго матеріала; 2) историческія общества (см.), 3) историческіе журналы (см.), къ которымъ можно причислить и ежегодные отчеты объ исторической наукѣ Ястребова («Jahresberichte der Geschichtswissenschaft» и т. п.), и 4) систематическія коллекціи историческихъ трудовъ, въ родѣ: «Staatengeschichte d. neuesten Zeit» Гирцеля, «Geschichte der europäischen Staaten» Геерена и Укепта, «Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen» Онкена, «Histoire universelle» Рамбо и Лависса.

Сочиненія по исторіи. Arnold, «Ueber den Begriff und das Wesen der Geschichte» (1828; переработано въ «Ueber die Idee, das Wesen, die Bedeutung, die Darstellung und das Erlernen der Geschichte», 1847); Bergman, «Das Ziel der Geschichte» (1881); Bernheim, «Geschichtsforschung und Geschichtsphilosophie» (1880); еро же, «Lehrbuch der historischen Methode» (1889, второе изд. 1893); Bisset, «On historical truth» (1872); Bolingbroke, «Letters on the study and use of history»; Cantu, «Nuove esigenze di una storia universale» (1882); Chladenius, «Allgemeine Geschichtswissenschaft» (1752); Desimoni, «Lo studio della storia in relazione alla facoltà di filosofia e di lettere» (1881); Dippe, «Das Geschichtsstudium mit seinen Zielen und Fragen» (1890); Droysen, «Grundriss der Historik» (1875); еро же, «Erhebung der Geschichte zum Rang einer Wissenschaft»; Max Duncker, «De historia ejusque tractanda varia ratione» (1834); Freeman, «The methods of historical study» (1886; переведено по-русски — «Методы изученія исторіи», 1893); Gothein, «Die Aufgaben der Culturgeschichte» (1889); Gerwinus, «Grundzüge der Historik» (1837); W. v. Humboldt, «Ueber die Aufgabe des Geschichtsschreibers» (1822); Jodl, «Die Culturgeschichte, ihre Entwicklung und ihr Problem» (1878); Kingsley, «The limits of exact science as applied to history»; Kolbe, «Ueber d. Grenzen des historischen Erkennens und d. Objectivität des Geschichtsschreibers» (1890); Lenget de Frenoy, «Méthode pour étudier l'hist.» (1713); Mably, «De la manière d'écrire l'histoire» (1783); Maistre, «La science historique» (1882); Mancini, «Della critica storica» (1878); Marselli, «La scienza della storia» (1873); Maurenbrecher, «Ueber Methode und Aufgabe der historischen